

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ВЕДЬМИЦА
ПОЛЯЦА

Абсолютное оружие Василия Головачёва

Василий Головачев

Ведьмина поляна

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Головачев В. В.

Ведьмина поляна / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2023 — (Абсолютное оружие Василия Головачёва)

ISBN 978-5-04-184234-5

Обычные лесные поляны – россыпь цветущих трав и ягод, а вот ведьмины – полны загадок. На одну такую попадает Максим Жаров. С этого момента начинается его дорога в новую реальность, где мужчинам приходится сражаться, женщинам поддерживать и хранить их, где белое остается белым, а черное – черным. Где Тьме надо противостоять, чтобы она не захлестнула оба мира, так похожих друг на друга и в то же время разных. Роман грандмастера отечественной фантастики!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184234-5

© Головачев В. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Головачёв В. Ведьмина поляна

© Головачёв В.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ВЕДЬМИНА ПОЛЯНА

МОСКВА
2 0 2 3

Глава 1

Последним номером программы соревнований было метание ножей на дальность и точность, и Максим подошёл к нему первым претендентом на чемпионство, победив в первых двух этапах: метание на точность и метание из необычных положений, и проиграв в третьем – метание экзотических средств поражения, от вилок и сюрикенов до двузубых стрелок и заточенных бумерангов. В принципе он не сомневался в своих силах, хотя волновался, конечно, пряча эмоции за маской флегматической расслабленности.

Обычно Максим ездил на соревнования с другом детства Саней Зубриком. Так же было и этой весной. Чемпионат России по ножевому многоборью начинался двадцать восьмого апреля и проходил в старинном русском городке Муроме.

До этого Максим (Максим Валерьевич Жаров, двадцать семь лет, мастер спорта по настольному теннису, холост, рост метр восемьдесят пять, старший научный сотрудник в лаборатории РССА (разработки спецсредств автоматики) Брянского института приборостроения) в Муроме ни разу не был, поэтому после приезда они с Саней, или Сан Санычем, как его звали друзья (Александр Александрович Зубрик, комиссар Железнодорожного районного военкомата Брянска, двадцать шесть лет, женат, волейболист, рост метр девяносто), с удовольствием прогулялись по городу, любуясь старинными церквями, соборами и монументами.

От гида экскурсии, предложенной организаторами соревнований для приезжих спортсменов, Максим узнал, что Муром, как «город на семи холмах», расположенный на берегу Оки, впервые упоминается в «Повестях древних лет» в восьмьсот шестьдесят втором году. До прихода славян здесь обосновалось финно-угорское племя мурома, что в переводе означало «люди на земле». Их земли и стали самым восточным рубежом Древней Руси в те времена, позже сделавшись центром купечества и ремёсел.

Самым знаменитым горожанином Муромы считался богатырь Илья Муромец, родившийся в селе Карачарове, ныне входящем в черту города. Мощи богатыря, канонизированного Русской православной церковью, покоились в пещерах Киево-Печерской лавры, но частичка мощей, как оказалось, хранилась и в Благовещенском соборе Спасо-Преображенского монастыря.

Узнали гости и о том, что настоящая фамилия Ильи – Гущин, а Муромцем его прозвал народ.

Когда экскурсию подвели к скульптуре богатыря, он поразил всех былинным могуществом – так удачно расположили его архитекторы. Каково же было удивление гостей, когда стал известен рост Ильи – один метр сто семьдесят семь сантиметров.

– Офигеть не встать! – выразил Сан Саныч своё мнение по отношению к физическим данным богатыря. – В мультиках он выглядит намного солиднее.

– Его слава больше его размеров, – усмехнулся не менее удивлённый Максим.

Экскурсия состоялась двадцать седьмого апреля, а днём позже начались состязания сотни съехавшихся со всех концов России и Белоруссии метателей. Приехали и спортсмены из Армении и Казахстана, что увеличило ценность главного приза: победитель получал ключи от новенького «Москвича», изготовленного на недавно заработавшем в Москве автозаводе, использовавшем китайские профили машин марки «Черри».

Чемпионат проводился в новом спортцентре Муромы на берегу реки, и оба дня зал, где проходили соревнования, был забит до отказа. Любителей «остренького и опасного» набиралось больше, чем мог вместить спортцентр.

Заканчивались соревнования самым зрелищным мероприятием. В десять часов утра начинались броски на дальность и точность, и к финалу ближе всех подошли Максим Жаров и его соперник из Алматы Жанболат Мусабаев, тридцатилетний здоровяк, уже завоёвывавший

главный приз в прошлые годы. После третьего рубежа он объявил, что его засуживают, и судьи, пересмотрев результаты этапа по системе видеоповтора, победителем объявили его.

Максим спорить не стал. Хотя к последнему рубежу соперники подошли с разницей всего в одно очко, что явно злило казаха. Оставался один бросок: метали нож с расстояния в двадцать пять метров, и если Максим не попадал в красный «ноль» – круг в центре мишени диаметром в десять сантиметров, он мог и проиграть.

Ножи для этой дисциплины выбирались длинные и тяжёлые, требующие глубокого хвата. Но Максим выбрал сканф – короткий хват с поворотом туловища вокруг оси, что требовало великолепной координации, точного глазомера и длинной сильной руки. Всё это у него было, плюс владение скоростными темпами для ножевого боя. Друзья удивлялись, как такой крупный человек ростом под метр восемьдесят пять, обладающий длинными руками, смог стать мастером спорта по настольному теннису, опирающемуся на сверхбыструю реакцию. Но тут Максим не мог им ничем помочь, получив дар теннисиста от природы. Он таким родился. А потом всю сознательную жизнь тренировался: теннисному мастерству – у своего отца, тоже мастера спорта, а метанию колюще-режущих предметов – у его брата, дядьки Никифора, профессионала ножевого боя, служащего СОБРа Росгвардии.

Соперник бросал первым.

Он выбрал длинный хват, долго имитировал бросок, словно проверяя нервы зрителей. Красиво метнул. И нож угодил в край красного круга.

Мусабаев вскинул вверх руки, празднуя победу.

– Жаров, ваш бросок, – объявил судья.

Максим быстро приблизился к черте на полу и, не останавливаясь, как шёл, так и метнул нож, сделав оборот вокруг оси.

Клинок чётко вонзился в центр круга.

Зал взорвался единым воплем:

– Да-а-а!

Максим расслабился, посмотрел на помрачневшего соперника, сохраняя невозмутимую мину, хотел было по-дружески протянуть ему руку, но Мусабаев отреагировал по-хамски: ощерился, процедил сквозь зубы: дуракам везёт! – повернулся к нему спиной и отошёл враскачку. Впрочем, победитель не обиделся, понимая чувства проигравшего. На прошлых состязаниях в Минске болельщики устраивали и не такие сцены.

Вечером призёров повели в ресторан «Ока» в центре города. За столик уселись организаторы чемпионата, парень, занявший третье место и получивший «бронзу», Максим и Сан Саныч. Владелец серебряной медали не пришёл, что повысило настроение победителя. Максим сочувствовал Мусабаеву и даже хотел как-то успокоить, хотя и виноватым себя не считал.

Разговоры за столом сначала велись вокруг специфики соревнований и качества ножей. Вспомнили героев прошлых чемпионатов, похвалили Максима за соблюдение традиций (он не отказывался от интервью и от встреч со спортивной общественностью), заговорили о грядущем изменении формата соревнований.

После победы России в украинском противостоянии над нацистами санкции Евросоюза начали потихоньку отменяться, и в первую очередь это коснулось культуры и спорта: и там, и там западные зрители потеряли интерес к мероприятиям подобного рода не в последнюю очередь из-за отказа Федераций приглашать российских спортсменов. И только их возвращение снова повысило интерес к соревнованиям и привлекло внимание бизнеса. Еврочиновники вдруг осознали, что без России они теряют гигантскую прибыль, и тихонько отступили. В связи с этим замминистра спорта страны Пилигин обрадовал всех тем, что в следующем году намечается приезд на чемпионат представителей Италии, Германии, Сербии и спортсменов из ближнего зарубежья, а присутствующий на ужине мэр Мурома рассказал анекдот про итальянцев,

заканчивающийся словами: что русский скажет за пару секунд матом, итальянцу час махать руками.

Посмеялись.

Рассказал анекдот и замминистра, упомянув своё недавнее турне по странам Юго-Восточной Азии.

– Как ни странно, – сказал он, – нас там понимают гораздо лучше, чем в Европе. Попробуйте перевести на немецкий, французский или английский фразу: если сильно окосел – пора завязывать!

Смех за столом усилился.

– Или вот ещё: руки не доходят посмотреть.

Веселье продолжилось.

– А азиаты такие обороты понимают? – спросил Сан Саныч.

– В том-то и дело, что им, как оказалось, не надо долго объяснять смысл нашего разговорного жаргона.

Начали приводить примеры и остальные участники застолья.

И в этот момент к столу подошёл Мусабаев, так и не поздравивший победителя с победой. Судя по нахмуренному лбу и сверкающим глазам, он был нетрезв.

За его спиной остановились ещё два парня, блондин и брюнет, оба – с модной небритостью на щеках.

– Привет честной компании, – сказал он с кривой усмешкой, оглядев собеседников. – Пьёте?

Возникла неловкая пауза.

Спohватившийся Пилигин встал, подзывая официанта.

– Стульчик гостю, пожалуйста.

Но Мусабаев даже не глянул в его сторону, повернувшись к Максиму, набычился.

– Празднуешь?

– Провожу время в приятной компании, – ответил Максим.

– Ну-ну, проводи, хотя выиграл ты случайно. Если бы мне дали сделать ещё один брос, я бы победил.

– Если бы да кабы, – проворчал Сан Саныч, не употреблявший никакого алкоголя принципиально.

– А ты ещё кто такой? – выпятил челюсть Мусабаев.

Сан Саныч встал. Он был чуть ли не на две головы выше казаха, и тот, наверно, почувал его преимущество.

Максим дёрнул друга за рукав.

– Саня, сядь. – Посмотрел на Мусабаева. – Так в чём дело? Можем продолжить. Здесь в холле висит дартс, предлагаю по три броска на красный сектор. Вот и выясним, кто круче.

– Чего?! – удивился задира, настроенный на конфликт и не ожидавший от соперника предложения завершить поединок таким путём.

Максим терпеливо повторил.

Мусабаев сморщился.

– Что бросать будем? Этими ножиками, – он кивнул на стол, – только колбасу резать.

– Найдём стрелки, а если нет – возьмём вилки или зубочистки.

– Максим Валерьевич, – озадаченно посмотрел на Жарова директор чемпионата. – Вы серьёзно?

– Надо же дать человеку доказать своё превосходство, – кивнул Максим. – Не вызывать же охрану?

– Идём! – объявил Мусабаев, поворачиваясь к выходу из зала.

Двое его спутников потопали за ним.

К столу подошли администратор ресторана и официант. Им объяснили, что требуется, и компания вышла в холл заведения, на одной из стен которого действительно висел диск для игры в дартс.

- Что будем метать? – осведомился разгорячённый Мусабаев.
- Что скажешь. – Максим повернулся к охраннику. – Стрелки есть?
- Есть.
- Принесите.
- Нет, – решил задира. – Будем бросать зубочистки. Сам предложил.
- Как скажешь.

Официант сбегал в зал, принёс круглую коробочку с зубочистками.

- Ты уверен? – шепнул Сан Саныч на ухо Максиму.

Тот успокаивающе сжал локоть друга.

- Жанболат... э-э... – проговорил Пилигин. – Вы... всё-таки... шли бы...
- Не мешай, – отмахнулся Мусабаев. – Лучше побудь судьёй.

Замминистра оторопело посмотрел на Максима.

- Во даёт! – фыркнул директор чемпионата. – Никакого тебе уважения!
- Побудьте судьёй, – попросил Пилигина Максим. – Это ненадолго.
- Бросаем по очереди, – сказал Мусабаев. – Ты первый.
- Предлагаю по одному броску для разминки.
- Нет уж, это тебе не стрельбище!
- Ладно.

Максим вытащил из коробочки один заострённый стерженёк, попробовал остроту кончиков, изогнул, тестируя стержень на гибкость.

- Готов. Расстояние?

– Пять метров! – мстительно бросил Мусабаев.

– Здесь всего-то наберётся четыре, – пробормотал Пилигин. – Да и не добросите вы эту стрелку, она слишком лёгкая.

- Пусть будет три метра, – уступил казах.

Отсчитали три метра, отодвинули толпу посетителей, собравшихся поглазеть на необычные соревнования.

Максим встал вполборота к диску, покачал зубочистку, начиная входить в привычный ритм психической концентрации.

К великому разочарованию соперника, он знал технику метания лёгких предметов. Всё своё детство Максим что-нибудь бросал: теннисные мячики, благо их дома было предостаточно, так как отец играл в теннис, а также складные ножики, вилки, шарики из подшипников, небольшие камешки, швейные иголки, еловые шишки, спицы и даже сухие комки грязи. Хуже всего давались ему спички и лёгкие длинные щепки, траектория которых зависела от колебаний воздуха и от их хрупкости. Но в конце концов и они стали подчиняться расчёту, игре пальцев, интуиции и глазомеру, особенно после того как с молодым Жаровым начал заниматься дядя Никифор.

Конечно, Мусабаев тоже занимался изучением колющего ассортимента, иначе не стал бы рисковать, вызывая соперника на состязание в ловкости – по сути своей. Но в своём превосходстве он ошибся.

Максим метнул первую зубочистку.

Вращаясь вокруг оси (самое сложное было придать ей импульс вращения), зубочистка преодолела три метра и вонзилась в самый ободок центрального красного кружка.

Зрители захлопали, возбуждённо переговариваясь.

Место метателя занял Мусабаев. Долго целился, несколько раз вскидывая руку, наконец бросил.

Его стрелка вонзилась близко от зубочистки Максима, но за пределами круга. Зрители загудели.

Мусабаев сверкнул глазами, шумно выдохнул, но затевать обсуждение броска соперника не стал.

Второй бросок Максима оказался удачнее первого. Зубочистка воткнулась точно в центр круга.

Наградой метателю были аплодисменты посетителей ресторана, едва умещавшихся в холле. Захлопал в ладоши даже Пилигин, пригласивший к себе поближе на всякий случай охранника в чёрном.

Мусабаев ответил почти с тем же успехом, хотя его зубочистка не удержалась на доске и через несколько секунд упала. Он выругался, багровея, озадаченно и с опаской глянув на противника.

Максим сосредоточился на третьем броске, поднял руку, и в этот момент спутник Мусабаева, брүнэт, гортанно крикнул:

– Ха!

Рука дрогнула, и лишь в последнее мгновение Максим сумел закрутить стрелочку. В красный кружок она тем не менее не попала, воткнувшись на один сантиметр ниже, и Максим с разочарованным выдохом понял, что это поражение.

Поступок брүнэта возмутил всех зрителей.

Сан Саныч ухватил его за руку, согнул в три погибели и повёл, брыкающегося, к выходу из ресторана. На помощь брүнету кинулся блондин, однако его перехватил охранник.

– Тише, джигит, тише, тут полиция недалеко!

Послышались гневные реплики, кто-то предложил прекратить нечестный поединок, но Максим был великодушен.

– Пусть бросает, – поднял он руку вверх, призывая к тишине. – Потерпите минуту. Иначе будет неправильно.

На этот раз Мусабаев целился недолго, нервно подбрасывая вверх зубочистку. Было видно, что он колеблется. Затем сделал широкий шаг вперёд, зайдя за условную черту соревнований на полметра, кинул, и его стрелка, кувыркнувшись, не долетела до мишени.

Зрители возликовали.

– Бог шельму метит! – назидательно сказал Сан Саныч.

Мусабаев побледнел, сжал кулаки, собираясь ответить в своём хамоватом стиле, но глянул на охранника, осклабился, шаркнул ножкой.

– Я же говорил, дуракам везёт! Требую реванша! Может, кинем ножички?

– Можем и кинуть, – пожал плечами Максим.

– Нет уж, хватит! – решительно объявил Пилигин, кивнул охраннику. – Проводите уважаемого спортсмена.

Невольные зрители необычных соревнований потянулись в зал.

Максиму предложили продолжить застолье, но он отказался, сославшись на усталость.

Вернулись в гостиницу они с Сан Санычем к одиннадцати часам вечера.

– Не хочешь на сон грядущий чайку? – спросил Зубрик.

Максим улыбнулся, и в самом деле чувствуя усталость.

– Спасибо, я и так уже булькаю.

– Тогда встречаемся утром. Надо билеты сдать.

– Вот ты и займись этим.

– Слушаюсь, чемпион! – взял руку «под козырёк» Сан Саныч. – Водить-то умеешь?

– Как-нибудь доведу. Послезавтра я хочу съездить на родину, в Жуковку, сестра просила помочь. Задержусь там на пару дней. Не хочешь со мной?

– Не получится. У меня есть кое-какие дела в Брянске. Хотя подышать сельским воздухом было бы неплохо. Спокойной ночи.

Они обнялись, и Сан Саныч проследовал к своему номеру.

Максим с удовольствием принял душ, перебирая в памяти события последнего дня соревнований и анализируя своё поведение, и остался доволен. Даже в случае с Мусабеевым он вёл себя вполне прилично.

Через минуту он спал.

Глава 2

Кот орал ночью так, что Максим проснулся в два часа и подумал: кто-то умирает! – настолько душевные фиоритуры издавал котяра. Зверь буквально плакал и стонал, как человек, испытывающий невероятную боль. Ему было холодно, мучил голод, и в мяве он изливал своё непонимание человеческой чёрствости и отсутствия у людей сочувствия.

Пришлось встать и притворить окно: май в первые дни теплом не порадовал, но по привычке спал Максим с открытой форточкой. И заснуть ему удалось только после того, как кот умолк.

Наутро сестра Таня сообщила, что кот соседский, воруга и бандит, тащит всё и у всех, и соседка давно пытается избавиться от него, выгоняет на улицу и травит.

– Зачем? – не понял Максим. – Не жалко скотину мучить? Взяла бы и усыпила в ветле-чебнице.

– Так за это платить надо, – простодушно пожалла плечами сестра, которая тоже не любила котов, чего и не скрывала. – А Чума всем надоел, сосед Вовка Спирин в него стрелял даже, жалко, что не попал.

– Неправильно это, – осуждающе покачал головой Максим; он-то в отличие от Татьяны животных любил, а в детстве, когда жил с родителями, дружил с котами и часто заступался перед бабкой Нюрой за Барсика; кот по ночам спал у него в ногах.

По плану в этот приезд он собирался с друзьями посетить кладбище, где были похоронены все его предки и друг детства Лёха Шилов, а потом съездить на рынок, купить кое-что для вечерних посиделок.

Он практически каждый год приезжал из Брянска в Жуковку вместе с Сан Санычем и собирал старую школьную компанию, останавливаясь то у тётки Ксени, то у тётки Вали (родители разошлись, отец уехал в Сибирь, мать в Белоруссию), а когда двоюродная сестра Татьяна купила в Жуковке домик и переехала туда из Брянска, начал квартировать у неё.

Так он поступил и в этот раз, прихватив с собой награду за первое место в чемпионате метателей – изящно выполненный из нержавеющей стали клинок, проткнувший кусок хрусталя. Хотелось похвастаться им перед честной компанией.

Кота по кличке Чума он увидел возле машины, которую ставил во дворе дома; гаража у Татьяны не было. Здоровенный пушистый рыжий кот сидел у колеса и, когда Максим вышел, уставился на него огромными зелёными глазами. И такая у кота стояла в глазах тоска, такая вселенская скорбь, что у Максима ком встал в горле. Он замер.

Замер и кот, глядя на человека.

Максим присел на корточки.

– Плохо, да, рыжий? Есть хочешь?

Глаза у кота стали ещё больше, зрачки расширились.

– Обижают? – продолжал Максим. – Хочешь, вынесу чего-нибудь?

– Мчо?! – не промяукал – спросил котяра.

Максим улыбнулся.

– Подожди, сейчас вынесу.

– Что-то забыл? – поинтересовалась Татьяна, когда он появился на кухне.

– Кота хочу покормить. Есть чего-нибудь, косточки там, молоко?

– Ещё чего, – удивилась дородная, с толстыми ногами и животом, пятидесятилетняя женщина, пережившая двух мужей. – Яду ему, а не косточек.

– Тань, ты куриный суп собралась готовить, отрежь гузку и лапы и не ругайся, божья тварь таки.

Поворчав, сестра обрезала тушку курицы.

Кот не ушёл, хотя и сидел теперь за углом дома, перед кустами малины, готовый чуть что скрыться.

– Вот, принёс, Чума, – показал курятину Максим. – Хреновую кликуху тебе дали. Буду звать тебя Рыжий, если не возражаешь. Приходи вечером, ещё чего-нибудь вынесу.

Он бросил мясо ближе к забору.

Кот проводил куски взглядом, вопросительно и недоверчиво глянул на человека.

– Ешь, не яд, – засмеялся Максим. – А то я подумаю, что ты не голоден.

Кот не спеша подошёл к мясу, понюхал, ещё раз удивлённо посмотрел на Максима, потом ухватил ближайший кусок зубами и даже не съел – проглотил всю порцию за пару секунд, судорожно обнюхав дёрн вокруг.

Стукнула дверь: вышла сестра.

Кот махнул в кусты, исчез.

– До вечера, – проводил его глазами Максим.

– Чума? – спросила Татьяна.

– Рыжий, – ответил он.

Вечером кот не пришёл. Зато заорал ночью.

Максим достал из холодильника кастрюлю с супом, выловил два куса курятины, вышел на крыльцо.

Дождя не было, но тучи затянули всё небо, дул неприятный холодный ветер, и невольно вспоминалось русское: в такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит.

– Рыжий, – позвал Максим.

Раздался шорох. По забору царапнули когти, в отсвете фонаря на улице проявилось жёлтое пятно, фосфорически мигнули глаза.

Максим положил мясо на ступеньку крыльца, поднялся повыше.

– Ешь.

Кот приблизился. Вид у него был пришибленный, с правого бока исчез клок шерсти, за ухом виднелся шрам, правую лапу он держал как-то странно, практически не наступая на неё.

– Что у тебя с лапой?

Тон подействовал: вряд ли со зверем кто-либо разговаривал так мягко.

– Мяк, – коротко сказал кот, сделав ещё шаг.

– Подрался с кем? – покачал головой Максим. – Или попал под облаву? Иди, ешь, не бойся, никто тебя не тронет.

Кот преодолел страх, подошёл, хромая, проглотил курятину, облизнулся.

Максим осторожно нагнулся, взял его на руки, обнаружив, что весит он от силы три-четыре килограмма и дрожит мелкой дрожью.

Снова в горле возник ком.

– Пойдём, помою лапу и рану за ухом обработаю. Не дрожи, я свой, ничего плохого не сделаю.

В ванной он включил тёплую воду, усадил кота на скамеечку и начал мыть.

К его удивлению, кот не дёргался, не пытался убежать или мяукать, только дрожал и шурился, будто понимая, что хочет сделать человек. Напрягся он только тогда, когда в ванную заглянула проснувшаяся Татьяна, всплеснула руками:

– Батюшки светы! Ты совсем ума лишился, братец!

– Ага, – согласился с ней Максим, удерживая кота. – Дай какое-нибудь ненужное полотенце. Увезу его с собой, раз здесь ему житья нет. Всё равно никому не нужен.

Кот зыркнул на Татьяну огромными глазищами.

Сестра перекрестилась и вышла.

– Поедешь со мной в город, Рыжий? – посмотрел ему в глаза Максим.

– Магум, – ответил кот.
Наутро Максим действительно увёз его в Брянск.

Глава 3

В эту мужскую компанию Максим попал случайно, поступив после окончания Брянского института автоматике машиностроения в научно-исследовательский центр «Наука, инновации, технологии» при институте. Начальник проектной лаборатории РССА, в которую устроился Максим, сорокалетний Олег Сёмушкин, толстяк и балагур, оказался неплохим теннисистом, а когда узнал, что Максим в институте выступал за сборную команду по этому виду спорта, тут же пригласил его поучаствовать в соревнованиях по теннису за лабораторию; спортивная молодёжь центра с удовольствием состязалась в межфиссных соревнованиях по теннису, футзалу и волейболу.

Максим согласился и вскоре стал своим в команде, а также сдружился и с компанией Сёмушкина, в которую входили Дима Бушуев, ведущий инженер лаборатории, Сергей Маркин и Илья Краснов, главный её теоретик и программист. Присоединился к компании и закадычный друг Сан Саныч, продолжавший играть в волейбол за военкомат Железнодорожного района.

К концу лета они начали проводить время не только в спортзале НИЦ, располагавшемся на улице Расплетина, недалеко от речного вокзала, но и на даче Сёмушкина, а также в совместных походах по лесам Брянщины, поскольку все были заядлыми грибниками.

Кот при первом же походе Максима, длившемся сутки – утром выехали, к обеду следующего дня вернулись, – проявил себя самым решительным образом. Не дождавшись хозяина к ночи, он начал жалобно мяукать под дверью, а потом поднял такой яростный мяв, что соседи едва не вызвали бригаду МЧС, обеспокоенные кошачьим концертом. Пришлось побеседовать с Рыжим, объяснить ему, что живёт он не в деревне, а в городе, и его выступления раздражают людей ничуть не меньше прежних гонителей. Понял ли он увещевания Максима или нет, было неизвестно с неделю, до очередного похода Максима. Оставленный в одиночестве Рыжий снова устроил «филармонию», и хотя орал меньше, всё же встретил он хозяина таким укоряющим взглядом, что Максим почувствовал себя негодяем.

После этого он старался побыстрее бежать с работы домой, поменьше быть в спортзале и не задерживаться в гостях надолго. Оставить кота было некому, родители жили слишком далеко от Брянска, а родные сёстры Вика и Лена хотя и устроились недалеко, в Бежице, не слишком любили животных, как и двоюродная Татьяна. Эта ситуация так расстроила его друзей, что Олег как-то предложил ему:

- А ты бери его с собой.
- Да ладно, – озадачился Максим. – Он же сбежит.
- В машине посидит.

Обычно они приезжали в одну из деревень Брянской губернии, недалеко от грибных лесов, оставляли машину у кого-то из местных жителей, договаривались с ним, чтобы он постерег транспортное средство (ездили на «Ягуаре» Олега, который ему подарил ещё отец десять лет назад), уходили в лес и возвращались к вечеру. Такой формат походов устраивал всех. Теперь же у Максима появился свой «русско-китаец», и он стал подумывать о походах на своём белом как снег аппарате.

- Он всю машину изгадит за день.
- Сторожу оставим.
- Сбежит.
- Ну, тогда ошейник купи и поводок, будешь по грибы с котом ходить. – Сёмушкин хихикнул.
- Он же не собака.

– Тогда сдавай его в кошачий приют, – рассердился начальник лаборатории. – Если не хочешь остаться без друзей. Либо становись домоседом.

Максим подумал, нашёл «гостиницу для зверей» на улице Бабкина, договорился с сотрудниками, что будет оставлять кота изредка, и на следующий совместный рейд по грибы оставил Рыжего там. Вернулся через двое суток, вечером в воскресенье, и дежурный приёмника заявил:

– Забирайте своего бандита! Орал два дня, бросался на сетку вольера, ничего жрать не стал! Больше не возьмём.

Максима повели вдоль ряда клеток в дальний конец приюта, и не успел он подойти, как услышал знакомый мяв.

– Вот, слышите? – повернулся к нему сторож. – Житья от него нету! Первый раз такую беспокойную зверюгу вижу.

Кот увидел Максима, перестал орать, потом бросился когтями на сетку и застыл.

Максим покачал головой, сглатывая ком в горле.

– Не стыдно? Орёшь, как пароходная сирена, людей пугаешь.

– Мму, – хрипло мурлыкнул кот, опускаясь на задние лапы.

– Неужели думал, что я тебя брошу?

– Мяккуах, – ответил Рыжий, что, наверно, означало, а кто тебя знает.

– Не брошу, дурачок. Ума не приложу, что с тобой делать. Не буду же я всё время сидеть дома? А если в командировку придётся ехать? А на море отдохнуть?

– Ммня, – облизнулся кот.

– Понимает, однако, – с уважением хмыкнул сторож. – Только больно он у вас оручий. Кастрированный?

– Нет.

– Кастрируйте, сразу успокоится.

Кастрировать, однако, Рыжего Максим не стал. Вспомнил совет Олега, задумался: может, и в самом деле попробовать брать кота с собой?

Дверца вольера открылась. Рыжий прыгнул на грудь Максима, и хотя его острые когти оставили след на руках и шее молодого человека, ему было радостно и приятно от такого проявления любви и привязанности.

Через несколько дней он взял кота с собой, купив поводок и кошачий ошейник в специализированном магазине.

Друзья сначала отнеслись к этому решению скептически, припомнив весёлые истории и мультики советской эпохи про умных котов, но когда Рыжий спокойно отнёсся к походу в лес, а через месяц вообще бегал вокруг грибников без ошейника и находил грибы, шутки прекратились.

Короче, Рыжий стал полноценным участником компании.

* * *

Это лето ближе к осени выдалось идеально комфортным для всех грибников средней полосы России.

С начала августа от Крыма до Архангельска установилась тёплая погода – от двадцати двух до двадцати пяти градусов, ночные дожди шли регулярно, через день, подпитывая лесную почву, и грибов уродилось несметное количество, хоть грузовиками вывози.

Не осталась в стороне от процесса и компания Максима. Идею съездить за грибами предложил самый младший из группы, Илья Краснов. В отличие от айти-специалистов, заикленных на компьютерах, дни и ночи просиживающих перед мониторами, он находил время и для

походов по местам боевой славы Брянщины, и для грибной охоты, и не отказывался от турпоходов по экзотическим местам России.

– Предлагаю махнуть за грибами, – сказал он утром двадцать пятого августа.

– А кто ещё едет? – спросил Максим.

– Да наверно, все. Погода шепчет.

– Ну, если все, то и я как все. Спрошу у Сани, вдруг и он загорится.

Однако Сан Саныч отказался участвовать в походе, сославшись на какие-то тёрки с начальством.

В этот же день Сёмушкин пригласил Илью и Максима в свой рабочий модуль, располагавшийся в здании Центра этажом выше, и вывел на экран фото какого-то пирамидальной формы чёрного камня.

– Смотрите.

– Что это? – любопытствовал Максим.

– Чёрный столб, – сказал Олег с гордостью, будто предъявлял приятелю скульптуру из своей коллекции.

– Где ты его нашёл? – хмыкнул Максим, обнаружив, что поляна с глыбой окружена елово-сосновым лесом.

– Выкопал в Сети и выяснил его историю. Он стоит посреди Сещинского леса, который издавна считается блудным местом.

Максим засмеялся.

– Местные жители туда любовниц водят?

– Нет, имеется в виду, что местность вокруг столба заколдована, люди, увидев его, могут неделями блуждать вокруг да около, пока не выберутся из леса.

– Настоящая ведьмина поляна.

– Ну, что-то вроде этого.

– Легенда.

– Нет, правда. Ленка, подруга моей сестрицы Варвары, с приятелями там была, и они действительно заблудились, двое суток по болотам шастали.

– У них что, навигатора не было? Или мобил?

– Мобилы были, да только толку с них, что с козла молока, ГЛОНАСС им одно показывает, выходят совсем в другое место, а потом и мобилы разрядились.

– Бывает, аномальная зона. И что?

– Предлагаю в субботу поехать туда всем вместе. Сестру с собой возьмём, она давно в компанию просится.

– Зачем?

– Можем не брать.

– Зачем туда ехать?

– Во-первых, столб найдём и легенду проверим. Говорят, вблизи него часы останавливаются, компасы врут и мобилы перестают работать, заряженные. Во-вторых, там грибов тьма-тьмушная, белые, грузди, рыжики, подосиновики. Местный народ туда боится ходить, вот леса и родят, по мешку наберём.

– Что ты будешь делать с мешком грибов?

Молчавший до поры до времени Илья хлопнул пушистыми длинными, как у девушки, ресницами; в отличие от Максима – сероглазого шатена, он был соломенноволосяным блондином и когда смущался, вспыхивал как факел.

– Ну, ты даёшь, Макс! Засолим, замаринуем, нажарим, у меня предок умеет так грибы готовить – пальчики оближешь! К тому же вот странное совпадение. Мне на днях статья попала именно про этот Чёрный камень. Я аж зачитался. Сам хотел предложить вам как-нибудь туда съездить, посмотреть на него.

Максим внимательно посмотрел на камень.

– Да я из вредности. Если подумать, то почему бы благородному дону и не махнуть к твоему столбу? Где он, говоришь, торчит? Сещинский лес – это где именно?

– За деревушкой Гнилкой, километров десять от Сещи. В деревне осталось всего два дома, в одном живёт какой-то древний дед. У него и оставим машины.

– Ладно, меня долго уговаривать не надо, я согласен, зомбируйте остальных. Жаль, Саня не сможет с нами поехать, я уже спрашивал.

Так компания оказалась в Сещинском лесу, считавшемся одной из аномальных зон Брянской области, о которой в народе ходило много слухов и легенд.

Глава 4

Двадцать седьмого августа в пять часов утра белый лифтбек Максима забрал двух участников экспедиции – Илью и Диму Бушуева. На машине Олега поехали он, его сестра Варя, худенькая в отличие от братца, и Серёга Маркин. Сёмушкин взял с собой раскладывающийся спецрюкзак для переноски пищевых продуктов, в который собирался набрать четыре ведра грибов. Дима и Илья вооружились плетёными корзинками, Варя – пластиковым ведром, сам Максим положил в багажник складной бокс для переноски пластиковых бутылок, в который вполне могло влезть два ведра грибов. Кот спокойно залез в свой решётчатый «вагон» с ручкой, на вопрос Ильи: не боишься, зверь? – ответил презрительно, вызвав смех:

– М-ме.

Он действительно перестал бояться ходить в лес.

Максим поцеловал кота в нос, уже не представляя себе жизни без Рыжего. Кот неодобрительно чихнул, вызвав смех наблюдавших эту сцену. С друзьями Максима он вел себя абсолютно свободно и не постеснялся подойти к Варваре и дать себя погладить, хотя видел девушку в первый раз.

Сестра Олега оказалась хорошенькой блондинкой с платиновыми волосами, яркими зеленоватыми глазами и ямочками на щеках. Одета она была в джинсовый костюмчик. По словам брата, ей исполнилось двадцать восемь лет (то есть она была старше Максима на один год), и работала девушка в центре сердечной медицины имени Бакулева, обслуживая ядерный магнитно-резонансный томограф.

Максиму же Варвара почему-то не понравилась, в отличие от приятелей, судя по их оживлению и умным речам. Это было заметно ещё при посадке возле дома Олега.

До Сещи добрались к шести часам утра. Деревенька Гнилка располагалась на левом берегу речки Огородни и имела всего одну улицу. Уцелевшие дома стояли один напротив другого, за ними шли по две развалюхи, и заканчивалась деревня древним погостом, на котором был виден синий крестик. По подсказке Варвары проследовали до дома с резными голубыми наличниками, где останавливалась компания её подруги, договорились с хозяином, стариком лет восьмидесяти по имени Фёдор Трофимович (все в округе звали его просто Трофимыч), припарковать машину во дворе, и отряд устремился в лес, ведомый Ильёй и его «гуглокомпсом».

Трофимыч попытался отговорить компанию от похода, но Олег, поверивший в легенду о Чёрном камне и жаждущий приключений (несмотря на возраст и полноту – а весил он больше ста десяти килограммов), уверенно заявил:

– К вечеру вернёмся и вам грибков выделим, ждите.

– Ну-ну, – только и ответил седенький Тро-фимыч.

Надвинули на головы шапочки и бейсболки, углубились в лес по давно проложенной тропинке.

Суетившиеся возле Варвары Дима и Олег вынуждены были сосредоточиться на маршруте, тем более что лес через полчаса движения начал смыкать ряды деревьев и темнеть. Началась чащоба. А потом вдруг исчезла и тропинка, словно растворилась в воздухе.

Остановились передохнуть, разглядывая заросли вокруг.

Кот в котомке за спиной Максима мяукнул.

Он подумал, выпустил Рыжего, погрозил ему пальцем.

– Не отходи, заблудишься!

Варвара, с любопытством наблюдая эту сцену, фыркнула:

– Он у вас такой самостоятельный?

– Год у меня живёт, – пояснил Максим, не слишком довольный тем, что на него обратили внимание. – Сначала на поводке водил, дома один не хочет оставаться, а теперь вполне самодостаточно в лесу и грибы ищет не хуже ежа.

Однако вопреки его заявлению Рыжий отходить от группы не стал. Шерсть его встала дыбом, глаза засверкали ярче, спина выгнулась.

– Мяк-амм-мя? – сказал он с вопросительной ноткой, оглянувшись на хозяина.

– Иди рядом, – приказал Максим.

Рыжий послушался.

Варвара засмеялась.

– Завидую, мне бы такого кота кто подарил.

– Второго такого нет.

– Заметьте время, – сказал идущий впереди Краснов. – Проверим, правду говорят блуждавшие или нет насчёт отставания часов.

– А долго ещё идти? – спросил Сёмушкин, которому приходилось труднее всех. Он как настоящий начальник, сгенерировав идею путешествия, детальную разработку доверил Илье, даже не потрудившись изучить маршрут.

– С час, – подумав, ответила Варвара. – Ленка говорила, они шли около двух часов, прошли километров пять, пока не подошли к поляне, где и увидели глыбу.

– Чёрный столб?

– Она утверждала, что на столб он не похож, но абсолютно чёрный.

– У каждого своя фантазия. А грибы мы где будем собирать? Далеко до деревни переть придётся.

– Посмотрим на столб, – сказал Илья, – сфотокаемся и вернёмся назад, Трофимыч говорил, что листовая полоса с грибами чуть южнее.

– Эх, зря идём, – вдруг сказал смуглолицый, даже зимой выглядевший загорелым Дима Бушуев. – Не нравится мне эта затея.

– Остался бы в деревне, – проворчал Сёмушкин. – Не кисните, идём дальше, раз уж пошли.

Двинулись вслед за Ильёй, поглядывающим то на экранчик своего смартфона, то на часы-навигатор на руке. Шли небыстро, служба лесников захирела, лесные заросли никто не чистил от упавших деревьев и валежника, и то и дело приходилось обходить упавшие стволы, особенно сосны, превратившиеся в гигантских шипастых многоножек.

– Мы не сбились с пути? – проворчал Олег через час, когда подуставший отряд остановился на очередной отдых.

– Нет, идём точно по Гуглу, – сказал Илья. – Да и солнце светит слева, как говорила Ленка. Они тоже сначала потеряли тропинку, а потом вышли к столбу.

– Что скажешь, Рыжий? – присел Максим на корточки перед котом.

Кот зашипел.

Грибники засмеялись.

– Ему не нравится наша затея, – сказал Дима.

– Он просто устал, – возразил Сёмушкин. – Возьми его на руки.

– Иди, – протянул руки Максим.

Но кот почему-то фыркнул и попятился, ворочая головой, словно перестал узнавать хозяина.

– Во глазищи! – восхитился Илья. – Как фонари!

Кот заурчал, попятился ещё дальше, потом прыгнул в кусты.

– Ты куда?! – удивился Максим. – Вернись сейчас же, потеряешься!

Кот не отозвался, целеустремлённо направляясь к просвету между деревьями, лавируя между кочками, грудками валежника и деревьями.

Максим бросился за ним, испугавшись, что зверь действительно заблудится. За ним потянулись остальные, обмениваясь шутками.

Погоня длилась несколько минут и закончилась на опушке небольшой поляны.

Рыжая спина кота была хорошо видна в траве, и Максим не потерял его из виду, а когда догнал – зверь остановился на выступающих из земли корнях сосны, – не сразу понял, почему тот не идёт дальше. Раздвинул ветки орешника, собираясь прыгнуть вперёд и схватить кота, и замер.

В центре поляны красовался чёрный, сужающийся кверху камень, напоминающий обелиск. Он был неправильной формы, состоящий из продолговатых выпуклостей, но приглядевшись, Максим увидел в нём некую фигуру, обладавшую странно живой притягательной силой. Не очень доброй силой, потому что от обелиска дул ощутимый холодный ветер – при полном безветрии – и казалось, он смотрит на человека подозрительно и неприветливо.

Максим нагнулся, взял замершего кота на руки, почувствовав, как тот напряжён.

– Тише, тише, Рыжий, не бойся, я с тобой.

Послышались голоса друзей, компания выбралась к поляне.

– О! – увидел столб Илья. – Вот он! Нашли! Ура! Я же говорил – не промахнёмся! Сверим часы, парни, на моих десять ноль две.

Компания оживилась.

Илья полез через высокий бурьян к скале.

За ним поляну преодолели, путаясь в траве, остальные, последним – Максим с Рыжим на руках. Кот поупирался, явно не желая приближаться к каменюке, но смирился со своей участью, хотя дышал часто-часто, а у обелиска вообще начал дрожать мелкой дрожью, как в Жуковке, когда Максим впервые прижал его к себе.

– Успокойся, – шепнул ему на ухо молодой человек. – Ничего страшного не происходит, мы нашли камень, сфотографируемся и уйдём.

Разбрелись вокруг странной скалы, вызывающей не слишком приятные ощущения живого, с мобильными телефонами в руках, фотографируя камень и друг друга. Устроили дискуссию: что он собой представляет. Версий было несколько: базальтовый останец, валун времён ледника, метеорит, менгир и сейд. Сошлись на общей идее, высказанной первоначально Ильей: Чёрный столб – специально установленный здесь века, если не тысячелетия, назад географический знак, отделяющий границу чьих-то владений либо указывающий путь ходокам и купцам.

Собрались на краю поляны, уставшие почему-то так, будто прошагали по лесу с десятков километров, перекусили, съев по бутерброду с сыром и запив чаем.

Кот вёл себя смиренно, но стоило ему оглянуться на столб, его снова начинала колотить дрожь.

– Интересно, что он чувствует? – спросил Дима, заметив, как Максим успокаивает животное. Максим не ответил. Ему тоже хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

– Теперь можно идти и за грибами, – объявил Илья. – Сброшу потом фотки в Сеть, похваस्ताюсь.

– Куда надо идти? – несмело спросила Варвара, потерявшая былую активность.

Впрочем, остальные чувствовали себя не лучше, испытывая необычное недомогание.

– На восток, – уверенно указал рукой Илья. – По моим расчётам, до края леса всего четыре километра. Сверим часы ещё раз, на моих половина одиннадцатого.

– Десять двадцать восемь, – сказал Дима.

– Десять двадцать семь, – возразил Олег.

На циферблате часов Максима было ровно половина одиннадцатого, и он промолчал.

– А вам не показалось странным... – начал непривычно задумчивый Дима.

– Что? – оглянулся на него Сёмушкин.

– Нас как будто кто-то тянет назад.

Все замолчали, бросая взгляды на поляну, посреди которой угрюмо высился Чёрный столб.

Максиму тоже показалось, что он чувствует некое необычное нетерпение и желание вернуться. Но коту поведение людей не понравилось, он задёргался в сумке и хрипло, с надрывом, мяукнул:

– Мьяв-р-р-ру-у-у!

– Идёмте отсюда, – первым опомнился Олег, передёрнув плечами. – Не русский тут бог запакован, зря только время потеряли.

Двинулись прочь от поляны, следуя за Ильёй. Но прошагали всего ничего, с полкилометра, и вышли... к поляне с обелиском!

– Оба-на! – сказал Краснов озадаченно, глядя на чёрную колонну в просвете ветвей. – Это что ещё за фигня?!

Вышли на край поляны.

Кот в котомке за спиной Максима заворчал, мявкнул вопросительно.

– Трофимыч предупреждал, – робко проговорила уставшая Варвара. – Все, кто видел столб, потом долго блуждали.

– Это я виноват! – храбро заявил Илья. – Отвлёкся, на компас-навигатор не смотрел... – Он умолк, глядя на циферблат навигатора, по которому из стороны в сторону прыгала магнитная стрелка. – Вот блин!

Сёмушкин подошёл к нему, поднял руку с браслетом к глазам.

– Ну и что это означает?

– Сюда шли, всё было нормально. – Илья ткнул пальцем в лес. – Там юг, там север.

– Что изменилось?

– Не знаю.

– Послушайте, пацаны, – сказал Дима Бушуев, – вам не кажется, что форма столба какая-то другая?

Все дружно посмотрели на трёхметровой высоты обелиск.

– У тебя галлюники, – изрёк Илья.

– По-моему, он был толще... – неуверенно сказала Варвара.

Максиму тоже показалось, что скала в центре поляны «похудела», но это мог быть и просто другой ракурс, и возражать он не стал.

– Я поведу, – решил Олег. – По солнцу. Сейчас десять сорок пять, солнце на западе, значит, север там, а нам сюда. Давайте ещё раз сверим часы.

– На моих десять сорок три, – сказал Дима.

– Десять сорок две, – хмыкнул Сёмушкин.

– Десять сорок, – сообщил Максим.

– А мои стоят, – удивилась Варвара.

Мужчины переглянулись.

– Что у тебя за аппарат? – поинтересовался Олег.

– «Пандора»... швейцарские, – показала часы девушка.

– Кварц?

– Да...

– У меня механика.

– И у меня, – добавил Дима. – Отечественные офицерские.

– Ладно, возьмём на заметку, – бодро сказал Илья. – Подтверждается слух, что в этих местах часы начинают глючить.

– А твой навигатор?

Илья сморщился.

– Не поверите... похоже, он тоже заглянул. Вот гадство!

– Погуляли, – помрачнел Сёмушкин. – Не хватало ещё застрять здесь до вечера.

Двинулись обратно тем же путём, тщательно сверяя направление движения, стараясь идти по солнцу – на юго-восток.

Кот в сумке за спиной притих на какое-то время, потом начал мяукать, да так скорбно, что Максиму пришлось выпустить его на волю.

– На поводок посади, – посоветовал Дима. – Удерёт – не поймем.

Однако Рыжий не стал убегать далеко, лишь сделал крюк, поворчав не то на зверя, не то на птицу в кустах, и вернулся к хозяину. Максим снова взял его на руки, погладил, посадил в сумку, передвинув её на грудь.

– Смотри, куда идём.

Прошагали с километр, останавливаясь каждые полсотни метров, ища глазами солнце за кронами деревьев.

И вышли к поляне с Чёрным столбом!

Кот заорал, но Максим не стал его выпускать. Посмотрел на свой механический хронометр: часы по-прежнему показывали десять сорок, что и полчаса назад. Часы не могли не идти, так как завод у них не кончался, они обладали маятниковым механизмом, подводящим пружину, но они не шли!

– У меня мобильный сдох, – сообщил обескураженный Дима.

– У меня тоже, – буркнул Олег. – Что скажешь, Сусанин?

Илья оторвался от созерцания обелиска.

– Мы шли строго на юго-восток... если верить положению солнца. Ну... сбились...

– Что твой Гугл показывает? – спросил Дима.

– Ничего не показывает, – смутился Краснов. – Аккумулятор сел, наверно, как и у мобил.

– Да, мобилы у всех в отключке. Что будем делать, господа хорошие?

– Надо не терять направления, – сказала Варвара.

– Мы его не теряли.

– Ведьмина поляна просто так не выпустит, – сказал Дима. – Я читал, люди вообще пропадали...

– В болотах топлю, – отмахнулся Илья. – А здесь лес более-менее чистый, болот мало. Я в колдовские штучки не верю.

– Но аномальщина налицо.

– Выберемся, этот лес насквозь за два часа пройти можно. Предлагаю идти галсами: прикинули направление, прошли десять метров, посоветались, дальше пошли, чтобы точная прямая получилась, а не петля, и выйдем.

Сёмушкин подудел себе под нос, размышляя, вытер пот с лица (становилось жарко, по мере того как солнце поднималось выше), оглядел команду.

– Давайте помолимся лешему, чтобы выпустил, лично у меня к нему претензий нет.

Варвара фыркнула.

– Лешие в сказках остались.

– Кто знает, кто знает, сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. А мы, между прочим уже дважды кругалю дали. Пошли, будем идти так, чтобы столб всё время сзади оставался, каждые десять метров корректируем курс.

Глава 5

Тронулись в путь.

Кот снова притих. Максим собрался было выпустить животное, но передумал. Аномальная зона действовала на кота сильнее, чем на людей, и он мог просто разнервничаться и бежать.

Прошли с полкилометра, проверяя траекторию движения после коротких остановок, убедились, что идут прямо, снова двинулись прочь от заколдованной поляны. Повеселели, так как по всем признакам поляна осталась позади, взгляд в спину снизил давление, ощущение неприятного сопровождения исчезло.

Лес изменился, чаще стали попадаться лиственные породы – берёза, дуб, клён, ольха.

Вышли на тропинку.

– Ура! – вскинул вверх кулаки Илья. – Главное – верить в себя, а не в магию, и всё будет тип-топ!

– Куда теперь? – спросила облегчённо вздохнувшая Варвара, снимая бейсболку. – Направо, налево?

– Направо, – сказал Дима.

– Налево, – возразил Илья. – Направо – это практически назад, к поляне, я точно знаю.

– Вечно тебя тянет налево, – усмехнулся взопревший Сёмушкин. – Ладно, не красней, я пошутил, идём налево. Уже обед скоро, а мы ещё грибов не видали.

– Я лисички видел.

– Я тоже, но здесь лучше не брать.

Попили водички, заторопились, набирая ход.

Тропинка почти не петляла, полузаросшая, старая, изредка почти исчезающая в траве. Впечатление было такое, будто по ней не ходили несколько лет. Но поскольку любая тропинка должна заканчиваться там, где живут люди, грибники не задумывались, куда она приведёт. Вокруг было много сёл и городков, и к одному из них они надеялись скоро выйти.

Шли, однако, долго, больше получаса. И когда у Сёмушкина лопнуло терпение и он был готов объявить привал, впереди меж стволами сосен и берёз замелькали какие-то жёлто-коричневые пятна, длинные жерди, крыши, и отряд вышел на околицу деревни.

Илья, почти бежавший впереди всех, замедлил шаг, остановился, озадаченно разглядывая то, что находилось на открывшемся пространстве. К нему присоединились остальные.

– Мать честная! – сказал Илья.

Это была деревня. Но очень необычного вида деревня, словно сошедшая с полотен художников, пишущих фантастические гиперборейские поселения многотысячелетней давности, какими их представляли историки Древней Руси.

Тропинка вливалась в хорошо утопанную ровную дорогу, кольцом охватывающую с три десятка строений, также образующих кольцо вокруг круглой площади, посреди которой высилась колонна высотой метров в пятнадцать, похожая на гигантский штык. Сделана эта колонна была из деревянных брусьев и жердей.

Дома деревни тоже были выстроены из дерева: срубы – из ошкуренных и отполированных до блеска брёвен не меньше полуметра в диаметре, двух- и трёхвенцовые островерхие крыши покрыты досками, искусно перекрывающими друг дружку, и заканчивались они по углам фигурами зверей и птиц.

Крыши то ли были покрашены, то ли потемнели от старости и непогоды до бурого цвета, а вот брёвна домов буквально светились янтарём, словно были уложены и отлакированы недавно.

Окон в стенах строений насчитывалось множество, и все они были охвачены резными наличниками немислимой красоты. Узорчатые двери, балясины крылец также выглядели новыми, но, в отличие от стен, явно были покрашены, и весь этот ансамбль строений напоминал некий музей под открытым небом, ждущий посетителей, а не жилое городище.

Судя по тишине, царившей в деревне, она была пуста.

Впрочем, это впечатление оказалось ложным. Сначала Варвара заметила движение на площади деревни, затем Максим и все остальные: где-то хлопнула дверь, замычала корова, кто-то засмеялся вдали, послышались голоса, за деревней проскакал всадник на странном коне – гости не успели его разглядеть, а потом из ближайшего храма – избой эту постройку назвать не поворачивался язык – вышла женщина в цветастом сарафане и цветастом же платке и зашагала по кольцевой дороге, перекинув через плечо белый свёрток. В другой руке, не занятой свёртком, она держала плетённый короб.

Грибники, затаив дыхание, следили за ней, не веря, что это с ними происходит наяву.

Кот в сумке зашипел.

– Тише! – едва слышно прошептал Максим, просунув руку в окошко сумки и погладив зверя по вздыбленной шерсти.

Женщина заметила отряд, приостановилась, но не испугалась, повернула к грибникам. Подошла на расстояние в десяток шагов, остановилась, внимательно разглядывая компанию. Стало видно, что это старуха лет восьмидесяти, с морщинистым тёмным лицом и большими голубоватыми глазами, в которых светились ум и энергия.

– Здрасьте, бабушка, – пробормотал Олег.

За ним недружно поздоровались с жительницей деревни спутники толстяка.

– Мы немного плутанули, хотим к деревне Гнилка выйти, не подскажете, в какую сторону идти?

– Какошч сторон? – переспросила старуха глуховатым голосом.

Мужчины переглянулись.

– Это что за деревня? – спросил Олег. – Или здесь построили павильон для съёмок?

– Съёмоч? – повторила старуха с ноткой недоумения. – Какошч съёмоч? Хэта поселица Хлумань.

– Что? – удивился Олег. – Хлумань? А где Гнилка? Деревня Алексево? Сергеевка?

– Серхиевк? Лексиё? – в свою очередь удивилась старуха. – Нетто нико тут, поселица Хлумань живе. Версты осми дванадцать к нору отседа Микоростень-град.

– Мико... – Олег посмотрел на Илью, на Диму, сглотнул. – Вы что-нибудь понимаете?

– А-и-а, вы же от ещче мир живе, – с облегчением проговорила старуха, улыбнулась, помолодев сразу лет на сорок. – Блудно ишта за лес.

– Что?!

– Инну, вы ушлы лес завлечь – от соседни живче.

– Не понимаю...

– Кажется, я понял! – ожил Илья. – Хотите верьте, хотите нет, но мы попали в параллельное измерение...

– Да ладно тебе фантазировать, – ухмыльнулся Дима, – смотри, как она лыбится. Небось артистка. Здесь точно фильм исторический снимают.

Из-за ближайшего «храма» послышались голоса, на дорогу вышли двое мужчин, одетые в старинные кафтаны с множеством накладок, нашивок и навесок, пожилой, с седым чубом, и молодой, с белым чубом, свешивающимся на лоб. У обоих на странных перевязях висели мечи в узорчатых ножнах. Увидев на опушке леса компанию Сёмушкина и старуху, оба замолчали.

Старуха оглянулась, позвала:

– Гонта, йды туто.

Седой, примерно шестидесятилетнего возраста, подошёл, разглядывая ясными глазами замерших грибников. Особого удивления на его лице не было, как не было беспокойства или страха.

– Блудно ишта их замрею, – сказала старуха. – Треть ходы за последни летось.

– Чёрны вага? – задал вопрос Гонта, продолжая разглядывать грибников.

– Что? – не понял Олег.

– Увыи идха ото Чёрны вага?

– От Чёрного столба, – подтвердил Илья, уловив смысл вопроса.

– Стовп, калин морок, – кивнула старуха.

– Кто вы?! – дрогнувшим голосом спросила Варвара.

Жители деревни посмотрели на неё, как показалось Максиму, с одинаковой жалостью.

– Увыи живаго те Хлумань, – кивнул на деревню мужчина с седым чубом. – Росичско охоронство. Основград Микоростень. Дале будо Новуград и Свейск-жито. А увьи отоки?

– Из Брянска, – выдавил Илья.

Мужчина и старуха переглянулись.

– Воремя теки навбоки, – сказала старуха. – Оден соседни живче, застряно – остань повернато николаы.

– Давень шлёндрасе-то? – спросил седой.

– А? – вытянул шею Илья.

– Он спрашивает, давно мы ходим? – сообразил Максим.

– Давно, часа два... вы нас понимаете?

Жители Хлумани снова обменялись взглядами.

– Увыи не прима выхоче з распадку Чёрны вага, – сказал пожилой житель Хлумани, в то время как его спутник, остановившийся в нескольких шагах, молча разглядывал грибников. – Мены триждень выходче до увьи.

– Ешче есь воремя нал, – добавила старуха. – Пусь Малята отвее до распадку на Грань.

Гонта кивнул парню.

– Малята.

Подошёл парень – косая сажень в плечах, пушок на свежих щеках, в глазах смущение и любопытство.

– Здравы будьмо.

– Отвее хлопы до распадку.

– Подождите! – опомнился Олег. – Вы серьёзно?! Этот ваш Хлумань – в другом... в другом...

– Измерении? – договорил Илья.

– Соседни живче, – закивали мужчина и старуха. – Увыи шибко наскоро надоть обкруче ко Чёрны вага, а то не верни николаы или довго ждати домотри.

– Но...

– Иде!

Кот в сумке мяукнул.

Все повернули головы к Максиму.

– Рыжий, – выговорил он виновато. – Кот.

– Миелов? – удивился Гонта.

Максим показал сумку с окошком.

Седой подошёл, нагнулся к окошку. Кот уставился на него огромными глазами.

– Сонечко дитё, – с неожиданным уважением сказал Гонта. – Помощче?

Кот мяукнул.

Седой разогнулся.

– Шибко иде, шелка зараста, не выди до вёсны.

– Чёрт, надо сфоткаться! – заволновался Илья. – Никто же не поверит! Вы понимаете, с кем мы разговариваем?! Эта их Хлумань и в самом деле стоит в параллельном мире! Чёрный столб нас сюда перенаправил!

– Мобильные не работают, – напомнила Варвара.

– Ах ты ж ёлки зелёные!

– Иде, иде, – поторопил их мужчина.

– Спасибо вам! – поклонился Олег. – Рады были познакомиться. Может, ещё свидимся? Спутник седого по имени Малята зашагал в лес.

Пока шли, Илья попытался разговорить проводника, заставить побольше информации о таинственной стране, которую старик назвал «Рось». Однако молодой абориген отвечал неохотно, коротко и не всегда понятно, хотя его язык напоминал белорусский, поэтому узнать удалось не много вдобавок к тому, что уже было известно.

Селение Хлумань с севера окружали леса «на многи круги вёрст», как выразился Малята, а всего в двух верстах от него начинался обрыв какой-то Великотопи. На севере от Хлумани, в по-лонгики пути (Максим понял это определение вроде полусуток), располагался городок Микоростень; передвигались местные жители «птерана обоящ», а когда любопытный Илья спросил:

– На конях?

Ему ответили:

– Птерана, ящя звер, древни копытники.

Так и осталось непонятным, кого использовали местные жители в качестве ездовых животных.

Малята отвечал неохотно, однако всё же сообщил, что ещё дальше за Микоростенем располагается столица края Новуград Бореана. Появление группы россиян возле Хлумани оказалось не первым, сюда уже трижды выходили «пешщии» путешественники, заблудившиеся в Сещинском лесу после встречи с Чёрным столбом, и один из них не успел вернуться, так и загинал в лесу, по эту сторону границы миров, не найдя выход к Хлумани. На вопрос Олега: что значит, он не успел вернуться? – Малята ответил простодушно:

– След остыл.

Перевод не потребовался, сказано было абсолютно по-русски.

Но до столба (Малята называл его Чёрны вага) проводник группу не довёл, остановился в лесу, на берегу какого-то ручья.

– Дале вытойте одне.

– Почему? – не понял Илья.

– Невать умие, – пожал плечами парень, – перейдо граник, опто навпрочь не наиду, стину.

– Нельзя ему, – тихо и несмело перевела Варвара, уставшая больше других. – Пересечёт границу – не вернётся обратно.

– Интересно, что он знает о нашем мире? – проговорил Дима.

– Они не сильно удивились, когда нас увидели, – проворчал Олег. – Здесь уже были наши туристы. Значит, понимают, что мы соседи. Знают, где стоит граничный камень, отделяющий нашу реальность от их мира.

– Дружище, этот камень – портал, да? – жадно спросил Дима.

Малята отступил.

– Бечь шибко! Щелка зараста! Не то приидетца довго ждат открыи.

– Вообще у вас какой год? – поинтересовался Илья.

– Некогда рассусоливать, – сказал Олег. – Бежать надо, пока след не остыл. Нам точно туда? – Он кивнул на чащобу за ручьём.

– Сонечко дитё покаже, – кивнул на сумку с котом проводник. – За им бягне.

– За котом?!

Малята молча повернулся и исчез, только прошелестело.

Все повернулись к Максиму, ошеломлённому словами парня.

– Макс, ты поводок взял? – осведомился Илья.

Максим кивнул.

– Бери на поводок, а то удерёт, и поминай как звали.

– Не удерёт!

– У нас нет выбора, – сказал Олег. – Кот побежит – и мы за ним, со всех ног. Выпускай зверя, Макс, объясни ему ситуацию.

Максим открыл котомку, взял кота на руки, заглянул ему в глаза.

– Спасай, Рыжий! Нам домой надо, домой! Понял? Веди нас к тому Чёрному камню, что мы видели. Понял? К Чёрному столбу!

Кот мяукнул.

Максим опустил кота на землю, шагнул вперёд.

– Нам туда, понял?

Кот вытянул вперёд морду, лоя дрожащими ноздрями запахи, и устремился мимо зарослей колючего кустарника, напоминающего акацию, в просвет между деревьями.

Максим последовал за ним. Остальные заторопились следом.

Шли таким манером всего минут двадцать, не больше.

Кот бежал вперёд уверенно, обходя лишь огромные ели, заросли кустарника и высокой, чуть ли не в рост человека, купы травы. К удивлению компании, на пути не встретилось ни одного упавшего дерева, ни одной кучи валежника, хотя в Сещинском лесу этого добра хватало. Щebetали птицы, в кронах деревьев шелестел ветерок, температура воздуха была комфортной – не больше двадцати пяти градусов, и возвращаться в родной лес, замусоренный в результате «ельцинской революции», не хотелось.

Наконец впереди высветилась прогалина в чащобе. И ещё не выйдя на поляну, Максим интуитивно ощутил, что кот привёл их к Чёрному столбу.

Выбрались на край поляны, потные и разгорячённые, глядя на высившуюся в центре скалу.

– Чтоб ты... – начал в сердцах Дима.

– Заткнись! – одёрнул его Сёмушкин. – Нельзя его сердить! Он не виноват. Наоборот, милости просить надо, чтобы выпустил домой.

– Что теперь? – выдохнула Варвара.

– Не знаю, – поскрёб затылок Илья. – Надо было у Маляты спросить.

– Давайте подойдём ближе, мысленно объясним ему... – начал Максим.

– Кому?

– Ну, по сути, это сторож границы...

– Пошли, – скомандовал Олег.

Максим взял заурчавшего кота на руки, поцеловал в холодный нос.

– Спасибо, Рыжий! Всю сметану дома отдам!

Пересекли поляну, путаясь в густой траве, не сохранившей ни одного следа их недавнего пребывания у скалы. Постояли в молчании у чёрного, с искрой, монолита.

– Ну, и что дальше? – поглядел на Максима Илья. – Пускай кота.

Максим выпустил, но кот зашипел и полез по его ноге вверх, цепляясь за штанину острыми когтями. Пришлось снова взять его на руки.

– Не хочет? – удивился Дима.

– Он свою миссию выполнил, – сказал Олег задумчиво. – Ну-ка, парни, давайте ориентироваться по нашим приметам. Солнце пошло к закату, значит – там запад, в обратке – восток, нам примерно туда. Гнилка в той стороне. Я правильно рассуждаю?

– Вроде бы так, – согласился Илья.

– Потопали.

Двинулись прочь от скалы, стараясь идти по прямой, и уже через несколько минут почувствовали облегчение. Напряжение, владевшее всеми, стало спадать, будто с душ путешественников упал огромный валун. Дима Бушуев даже засвистел, пока Олег не посоветовал ему «заткнуть фонтан».

Ещё через полчаса вышли на знакомую тропинку, словно вынырнувшую ниоткуда.

– Уф! – с облегчением сказала Варвара, вдруг обнаружив, что забыла свою корзину у Чёрного столба.

– Можем вернуться, – предложил Максим.

– Ой, только не туда! – изменилась в лице девушка.

– Ну, теперь по грибы? – спросил Илья.

На него посмотрели как на сумасшедшего.

– Домой хочу, – жалобно сказала Варвара.

– А я бы сюда ещё разок наведался.

– Псих! – сказал Дима. – А если бы мы там остались, в этой твоей тьмутараканской параллельной реальности?

– Ну и что? Представляете, сколько нового узнали бы? Вообще на Земле много таких мест, где существуют проходы между измерениями, нам повезло, что мы наткнулись на один.

– Да уж, повезло.

– Идём в деревню, – решил Олег.

– А что мы скажем, вернувшись без грибов?

– Что мы вообще скажем, где были? – проворчал Олег, посмотрев на кота на руках Максима. – Вот кому памятник ставить надо! Он нас вывел! Я для него тоже сметаны не пожалею. Кот полез по груди Максима, ткнулся носом ему в шею и сказал «мммя».

Глава 6

История с походом к ведьминой поляне не получила огласки.

Сёмушкин решил ни с кем не делиться сведениями о существовании «параллельного гиперборейского» мира, вход в который им показал Чёрный обелиск в центре Сещинского леса, и друзья с ним согласились. Илья даже предложил компании собраться ещё раз у «ведьмино портала» и хотя бы понаблюдать за ним. Но его никто не поддержал.

Конечно, Максим рассказал о походе Зубрику.

– Да, – сокрушённо почесал затылок Сан Саныч. – Жаль, что я с вами не пошёл.

Встреча состоялась вечером в воскресенье дома у Максима, живущего в новой девятиэтажке на улице генерала Ермолова, и кот на сиделках, естественно, присутствовал, млея от поглаживания на коленях хозяина.

– Значит, он вас вывел? – Александр присел перед Рыжим на корточки. – Как же тебе удалось, зверь? И вообще как к этому относиться?

– Мауму, – ответил Рыжий, облизываясь.

– Есть хочешь?

– Нет, это он хочет гулять.

– Выпускаешь?

– Не рискую, только в лесу. Здесь город, слишком опасно.

– Да, мне бы такого следопыта, я бы и не женился.

Максим засмеялся.

– Жена достала?

– Не без этого, характер у неё железобетонный. Слушай, а что если мы вдвоём рванём в Сещу? У меня со второго двухнедельный отпуск, и до четырнадцатого августа я совершенно свободен.

– Зато я не свободен.

– Хочешь, мой шеф позвонит вашему, и тебя отпустят?

– Нет, Саня, если и ехать, то разве что на один день, в субботу или воскресенье, чтобы убедиться в существовании Чёрного обелиска. Да и то я не горю желанием.

– Почему? – удивился Сан Саныч.

Максим вспомнил удивительное селение за пределами ведьмино круга, её жителей, и его как что-то толкнуло в голову, будто из «параллельного мира» донёсся неясный зов – приди-и-и... помоги-и-и...

Он очнулся, помотал головой.

– Ты что? – вытаращил глаза Сан Саныч.

– А что?

– Побледнел. Не сердце, часом?

– Я здоров как бык. – Максим отпустил мяукнувшего кота, сходил в ванную, умылся, позвал гостя на кухню. – Идём кофе пить. Вообще, если честно, до сих пор не выходит из головы наше путешествие в «параллельный мир». Неужели всё это было наяву? Иногда даже кажется, что на нас повлияла ведьмина поляна.

– Тем более надо проверить.

Выпили по чашке кофе с молоком.

Сан Саныч вспомнил, как он ездил недавно в Жуковку, ещё до соревнований по метанию, где ему пожаловался на несправедливость властей общий школьный дружок Саня Вавин, которого оштрафовали за «доброе дело». Как оказалось, он залатал ямы на улице, где жил, тянувшейся вдоль железнодорожных путей до вокзала, устав ждать милости от администрации городка и взяв на себя функции дорожных служб.

– Ну, и юристы мэрии придрались, – закончил, поморщившись, Александр, – усмотрев в этом «создание помех в дорожном движении путём загрязнения дорожного покрытия и создания угрозы для автомобилистов».

– Ты серьёзно? – удивился Максим.

– Они уже и квитанцию прислали, – снова поморщился Сан Саныч. – Я посоветовал ему подать в суд и не платить. Надо бы съездить, разобраться.

– Обязательно поедем, – согласился Жаров. – Отпрошусь на денёк на неделе.

– А в Сещу не соберёшься?

Он помолчал, поглядывая на кота, ждущего еду возле своей миски.

– Давай решим завтра. К тому же это тебе не просто за грибами сбегать, надо экипироваться по-серьёзному.

– За этим дело не станет, – хмыкнул военком, – в моём ведении гражданская оборона района, а там найдётся любое имущество и снаряжение.

Они попрощались, и Сан Саныч отправился домой, к «генералу в юбке», как он называл жену Лену.

На следующий день Максим занялся на работе привычным делом: лаборатория разрабатывала датчики контроля горячего стального проката, – и до обеда с головой окунулся в расчёты температурных режимов.

Обедать он пошёл с Ильёй, который с энтузиазмом начал перебирать варианты существования «параллельного» мира.

– Ведьмина поляна – это узел пересечения многих измерений, – вещал он, не забывая жевать. – Я читал, что четвёртое измерение является объёмным листом Мёбиуса¹ и может скручиваться вокруг аномальных зон. Вернее, создавать эти аномальные зоны. Так и в Сещинском лесу возникла складка в пространстве, в которую нас засосало. Хорошо, что твой Рыжий вывел нас оттуда, чутьё у него как у классного экстрасенса. Хочешь, я дам тебе ссылку в Сети? Почитаешь про измерения, там о многих аномалиях рассуждают.

– Я не фанат Сети, – отказался Максим.

– Да и я тоже не часто зависаю, – хохотнул молодой инженер. – Если только не попадается хорошая стратегия. Вчера получил за третий уровень «Варсизонс» девять тыщ лайков!

– Круто, – покачал головой Максим. – Хотя ты напрасно тратишь время на игры ради лайков.

– Прикольно же, я успешно расту в игровой тусовке.

– Забыл, о чём нас предупреждал босс?

– Олег? О чём? Напомни.

– Не торчать в инете больше часа. Когда критерием успешности становятся лайки толпы недоумков, торчащих в Сети сутками, плюс хайп и мнение блогеров, цена такой успешности – плевок!

– Да ладно, – отмахнулся инженер, не обидевшись. – Добавь ещё для весу про блогершу на сцене Большого, Даню Милохина в качестве ведущего и «короля попсы» Филю Киркорова, будет полный набор фриков идиотической контрпропаганды.

– Не полный.

– Идиотов в Сети хватает. Но молодёжь надо воспитывать иначе.

– Подскажи как. Сам-то не старик? Сколько тебе?

– Двадцать пять. Нас не надо давить стандартным укором и наборами правильных идеологических штампов. Я не только сижу в Сети, но и по музеям с удовольствием хожу. Вот где можно набраться примеров креативности мышления создателей шедевров.

– Не знал, что ты ходишь по музеям.

---

¹ Лист Мёбиуса – односторонняя поверхность.

– Подруга заставляет, – признался Илья смущённо. – Да я и сам поднаторел. Недавно посетили выставку самых дорогих скульптур в мире.

– Где? – удивился Максим. – В Брянске вроде бы не было объявлений.

– В Белгород ездили, туда привезли несколько натуральных работ и воспроизвели два десятка в виртуале. Не встречал в соцсетях?

– Говорю же, я не висну в Сети.

– А мы с Викой обалдели, когда узнали цены на эти шедевры. В натуре под стеклянными колпаками посмотрели на «Голову» Модильяни, на «Изысканную девушку», кого – не помню. Видел?

Максим молча помотал головой.

– На девушку эта «Изысканная» похожа, как я – на банан. Знаешь, сколько она стоит?

– Нет.

– Семьдесят один миллион зелёными!

– Да ну?!

– Мамой клянусь! Но есть ещё дороже, например «Шагающий человек» какого-то итальянца², тоже не помню имени. Так вот он стоит аж сто четыре «лимона». Ещё дороже «Указующий человек» – сто сорок «лимонов».

– Жесть! – усмехнулся Максим.

– А что ты скажешь про апофеоз композиции под названием «Размышление»: сидит голый мужик, а его член поднимается вверх и вливается в голову. С аукциона Сотбис она ушла за двести десять миллионов!

Максим невольно рассмеялся.

– Шутишь?

– Нет. Ничуть, всё так и есть.

– Недаром же говорят, что Европа гниёт.

– Вот тут я с тобой совершенно согласен. – Илья допил напиток. – Слушай, шеф не хочет повторить поход в Сещинский лес?

– Мне он ничего не говорил.

– Знаешь, я, наверно, схожу без вас, если не согласитесь. Не могу забыть ту деревню в гиперборейском стиле за поляной.

– Хлумань.

– Что? Ах, да... ну, так как?

– Я подумаю, – пообещал Максим, решив пока не предупреждать приятеля о намеченном с Александром путешествии к поляне.

– Давай думай быстрее, а то лето кончится, а осенью туда лучше не соваться.

До вечера стало известно, что начальник лаборатории не планирует повторить рейд к ведьминой поляне, и перед друзьями встал вопрос – брать с собой Илью или нет.

В семь часов они с Александром пересеклись в спортцентре на Донецком проспекте и поиграли в теннис. После чего на новеньком «Москвиче JS4» Максима поехали домой к военному и поужинали в овощном стиле: жена Александра великолепно готовила кабачки с рисом под сыром. Посидели ещё с полчаса, обговорив детали будущей экспедиции в Сещинский лес. Максим предложил взять с собой Илью, и Сан Саныч согласился, не имея ничего против молодого парня. Илью он знал достаточно хорошо и любил за искренность.

В половине одиннадцатого Максим поставил своего «московского китайца» на стоянку возле дома, поднялся на пятый этаж, где располагалась его «трёшка» площадью в шестьдесят квадратных метров.

---

² Альберто Джакометти, скульптура создана в 1961 году.

Кот не встретил хозяина, как обычно, у двери, и Максим почувствовал неладное. Посмотрел на кухню, увидел две тарелки с остатками еды.

– Рыжий, ты где, соня?

Кот не отозвался.

Поиски зверя закончились в спальне: Рыжий залез под кровать и долго не желал выбираться из засады, несмотря на все уговоры, пока Максим не вытащил его за шкуру, обнаружив, что кот дрожит мелкой дрожью.

Проснулась интуиция.

Никаким экстрасенсом Максим сроду не был, но спортивная закалка дала ему обострение чувств, и ему показалось, что кот боится чего-то не зря.

– Что случилось, дружок? Ты почему такой испуганный?

– Мнох, – коротко мякнул кот.

– Перестань дрожать! Ты под моей защитой. Пойдём, покормлю на ночь.

Кот вдруг открыл глаза шире и зашипел.

Максим удивлённо прижал его к себе, и в этот момент раздался дверной звонок.

Кот зашипел ещё раз, вырвался, метнулся в спальню.

Недоумевающая, что подействовало на животное, Максим заглянул в глазок, увидел незнакомого мужчину в пятнистой куртке кроя «милитари». Помедлив, спросил:

– Кто?

– Сосед, – ответили ему.

Он открыл дверь.

Мужик оказался ниже его ростом, но шире и без живота, какой можно было предполагать, глядя на его широкое мясистое лицо с седоватой бородой. Ему было лет пятьдесят, лысоват, глаза серые, маленькие, зато широкие чёрные брови, также с сединой, а мощные челюсти вызывали уважение.

– Я по поводу кота, – сказал мужик.

– Слушаю.

– Орёт!

Максим оглянулся на дверь. В последнее время после возвращения из Сещинского леса Рыжий совсем перестал мяукать, и заявление соседа (кстати, Максим мог поклясться, что раньше они не встречались) отдавало наговором.

– Кот давно перестал орать.

– Орал весь день. Либо забирай его с собой на работу, либо утопи. Нам шумные соседи ни к чему.

Максим усмехнулся.

– Простите, не знаю вашего имени-отчества, в какой квартире вы проживаете?

Гость покосился на другой конец коридора, но таблички с номерами квартир отсюда не просматривались, и прогундосил:

– В соседней.

– Ни разу вас не видел, хотя живу здесь уже пять лет.

– Тебя предупредили. – Здоровяк кинул взгляд на дверь, словно хотел увидеть кота, потопал прочь, но не к соседней квартире, а к лифту.

– Эй, дядя, – окликнул его Максим.

Мужик обернулся.

– Ещё раз увижу здесь, вызову полицию, – закончил Максим хладнокровно.

Глазки здоровяка сузились, почернели.

Максиму показалось, что по лбу его стукнули кулаком. Удар он выдержал, но очевидно не сдержал эмоций.

Узкие губы гостя разъехались чуть ли не до ушей.

– Чево ты казав?

– Чево слышал.

В руках гостя вдруг сверкнул нож. Вернее, не нож, а нечто вроде пестика с длинной, утончавшейся от навершия к концу ручкой. Здоровила вытянул его остриём к Жарову, и того продрал мороз страха, да так, что потемнело в глазах.

– Кота отдай, паря! – донёлся глухой деревянный голос. – Не то хуже будет! И в Сещинский лес больше не суйся!

Поднявшийся в душе гнев стёр страх и зыбкое марево внушения.

Не давая себе отчёта, что делает, Максим в темпе догнал гостя, выхватил у него пестик-нож, сделал сложное движение, трижды прокрутив его пальцами, ощутив необычный холод кости (странный ножик не был металлическим), и направил остриё на здоровяка:

– Пошёл вон!

Гостя шатнуло. Он попятился, мелко перебирая ногами, с ужасом глядя на пестик. Затем рванул прочь, ссыпался по ступенькам лестницы вниз, минуя лифт, и скрылся за шахтой лифта. Через несколько секунд с первого этажа донёлся звук хлопнувшей входной двери.

– Жесть! – с чувством выговорил Максим, ошеломлённый бегством незнакомца в камуфляже.

Осмотрел отнятое изделие, пестик не пестик, мосол не мосол, нож не нож. Он был сделан из слоистого белого материала, похожего на кость (из бивня мамонта? – мелькнула мысль), и по-прежнему охлаждал ладонь, как кусок льда.

Что ты такое, ледышка костяная? И почему стреляешь страхом? Кстати, не от тебя ли прятался Рыжий? Недаром же сидел под кроватью и трясся.

Последняя мысль заставила проверить догадку.

Максим обнаружил кота забившимся под кровать, уселся перед ним на корточки, показал пестик.

– Ты от этого прятался?

Глаза кота стали совсем чёрными, полностью заполненные зрачками, он зашипел, залезая ещё глубже под кровать.

– Понятно. – Максим встал, озадаченно разглядывая оружие гостя.

Интересная штукавина, однако. А главное, откуда этот колдун знает о нашем походе в лес? И почему ему хочется избавиться от кота? Не потому ли, что он вывел нас с ведьминой поляны? Сначала в древнее царство, если можно так выразиться, потом обратно.

– Вылезай, я тебя в обиду не дам.

После долгих уговоров Рыжий наконец сообразоволил выбраться из своего убежища и дал себя покормить.

Уже перед тем, как ложиться спать, Максим позвонил Сан Санычу и рассказал ему о визите странного мужика.

– Это тянет на уголовку, – прореагировал Александр. – Придётся привлечь кое-каких моих знакомых в полиции.

– Подъезжай завтра.

На том и порешили.

Глава 7

Но история с визитом незнакомца в милитари-прикиде на этом не закончилась. На следующий день Максиму пришлось отъехать из дома, а когда он вернулся, встретил на лестничной площадке давешнего мужика и с ним худого, вертлявого, с лицом хитрого лисёнка, молодого парня в таком же камуфляже. Оба стояли у двери квартиры спинами к лифту и что-то увлечённо делали, не обратив внимания на звук открывающихся дверей лифта. Через пару мгновений Максим понял: они пытались взломать замок.

Пришла идея напугать гостей, и он сказал раскатисто:

– Какие люди! И на свободе!

«Лисёнок» подскочил.

Оглянулся и вчерашний «сосед», хотя и не так споро. У него в руках сверкнул необычной конфигурации инструмент с набором лезвий и штырей.

– Я же предупреждал, – укоризненно произнёс Максим, – что вызову полицию.

Гости переглянулись, и в руках обоих появились знакомые пестики с заточенными концами.

Максим пожалел, что оставил свой пестик дома. Но исправлять ситуацию было уже поздно.

– Итак, вопрос: что вам надо, господа взломщики?

– Отдай кота! – ощерился здоровяк.

– А болт с левой резьбой вам не нужен? – иронически осведомился Жаров.

Гости переглянулись.

– Ты на кого шуршишь, пакетик?! – выверился худой парнишка. – Мы же тебя в паука превратим!

Выглядела эта угроза так смешно, что Максим засмеялся.

– Что-то новое в лексиконе домушников.

– Отдай кота и будешь жить! – тяжело проговорил здоровяк.

Максим вспомнил, что в кармане у него лежит пластиковый чип для открывания дверей подъезда. Сконцентрировался на последующей операции.

– Кот желает остаться у меня. Ещё вопросы есть? Если нет, выметайтесь отсюда, пока не приехала полиция.

«Лисёнок» посмотрел на кряжистого патрона.

Максим с удивлением услышал странный выговор гостей, напомнивший ему речи встреченных в «параллельной» Хлумани жителей.

– Я йогов бью...

– Спынай головче, оне здороваги, краще отнымы памъять.

Загудел лифт.

Худосочный «иностранец» направил на Максима остриё пестика, и брошенный Жаровым пластиковый прямоугольник угодил ему прямо в глаз. Парень взвыл, выронил пестик, его спутник отвлёкся, и ступивший на лестничную площадку из лифта Сан Саныч, оценив ситуацию, прыгнул к нему и рывком отправил здоровяка в полёт. Мужик в камуфляже выбил головой стекло окошка на лестничной площадке, свалился на пол. Но вскочил по-кошачьему, выискивая пестик.

Догадавшийся о том, что последует дальше, Максим упал на пол, подхватывая выроненный парнишкой «недокинжал». Выдохнул, напрягаясь:

– Застрелю!

Оба острия с шипением выбросили почти невидимые прозрачные змейки холодного воздуха. Змейки столкнулись, рождая брызжащий искрами клубок.

Мужик с пестиком завизжал как резаный, затряс рукой и метнулся к лестнице, как в прошлый раз, уступая поле боя и не обращая внимания на продолжавшего выть парня.

Максим, получивший неслабый удар по голове невидимым разрядом, пошатнулся, но устоял. Пока он приходил в себя, Сан Саныч бросился к парню, но тот змеей крутанулся на лестницу вслед за напарником и исчез.

Сан Саныч оглянулся.

– Что тут происходит?!

– Грабители, – коротко ответил Максим, расслабляясь, прогоняя из головы холод.

Сан Саныч подобрал пестик.

– Что это за мосол?

– Не трогай! – Максим отобрал изделие, стреляющее неведомым полем. – Это какой-то психотронный разрядник. В меня стреляли уже дважды, тот мордоворот и пацан. Такое впечатление, будто тебе в челюсть кулаком заехали.

– Долбоны! Чего они хотели?

Максим осмотрел пестик-мосол, отмечая, что этот «разрядник» покороче первого, отобранного у здоровяка, и слоистой.

– Хотели забрать или убить кота.

– Убить Рыжего? – удивился Александр. – За что?

– Мешает он им. – Максим открыл квартиру, Рыжего не увидел и, поискав, обнаружил его в прежнем убежище – под кроватью. Шерсть животного встала дыбом, когда он увидел у хозяина пестик, глаза почернели.

– Мме ммздо! – выговорил он чуть ли не по-человечески.

Максим положил пестик на стол в кухне, взял кота на руки, начал гладить, ласково обещая защиту. Рыжий перестал дрожать, успокоился.

Сели на кухне, налив по чашке холодного кваса.

– Так чем он мешает этим бандюгам? – Александр кивнул на дверь, имея в виду взломщиков.

– Не знаю, однако настроены они серьёзно, раз бородач не побоялся заявиться ещё раз. Думаю, это связано с Сещинским лесом. Точнее, с ведьминой поляной. Мы действительно с ребятами провалились в какую-то пространственную яму и побывали в старинном поселении. Видел бы ты эту красоту!

Сан Саныч покосился на два пестика на столе; Максим принёс и первый.

Один был длиной около тридцати пяти сантиметров, второй на пять сантиметров короче. Но оба были заострены чуть ли не до сантиметрового диаметра, оба имели набалдашники, действительно похожие на бараньи мослы, и оба создавали неприятное ощущение ледяных сосулек.

– Это оттуда, – сказал Максим, перехватив взгляд друга. – Из того мира. Значит, и эти говнюки оттуда же, судя по их репликам.

– Не слышал.

– Ты пришёл позже. Они сначала нормально говорили, чисто, практически без акцента, а потом, перед нападением, кинули по паре фраз на языке, который мы слышали в Хлумани. Похож на белорусский или украинский.

– Странное название – Хлумань.

– Другие не хуже: Микоростень, Свейск, Бореана.

– Свейск – это что-то из шведского. Я не историк, но помню, что в древности наши предки называли Свейском норвежское или шведское городище.

– Чёрт его знает, с какого боку тут норвеги и шведы.

– Ехать надо, Макс.

– Кота не с кем оставить.

– Зачем оставлять? С ним и поедем, – Сан Саныч издал смешок, – вдруг он снова приведёт нас в ту деревню?

Максим помолчал, принимая окончательное решение.

– Едем в субботу. Давай прикинем, что нам может понадобиться.

С час они обговаривали состав экипировки, необходимой для экспедиции по лесам и болотам, и Александр уехал домой.

Максим усадил успокоившегося кота на колени, заглянул в его умные зелёные глаза.

– Поедешь с нами?

– Мне-е-е! – напрягся Рыжий.

– А придётся, – с сожалением сказал Максим. – Не оставлять же тебя одного.

* * *

В шесть часов утра двадцатого августа белый «китайский москвич» – «Москвич Sehol A5 Plus» – так официально именовался подарок Максиму от руководства чемпионата по метанию – отправился в путь.

От Брянска до Сечи было около восьмидесяти километров, и это расстояние резвый «Сеул плюс» преодолел за сорок минут. Потом дорога стала хуже, и к деревеньке Гнилка экспедиция в составе трёх человек – Ильи, Сан Саныча и Максима – добиралась ещё час.

Оставили машину у Трофимыча, знакомого Максиму по первому походу, вскинули за спину блок-рюкзаки военного образца, добытые военкомом. Максим приторочил к рюкзаку решетчатый короб для кота, и отряд углубился в лес.

Сан Саныч расстарался, и все трое щеголяли в спецкостюмах «горка» белорусского производства, напоминающих военные «ратники» со множеством кармашков. У всех были бинокли «удмурт» и военные же рации «дрозд», предназначавшиеся для спецназа, позволяющие переговариваться друг с другом на расстоянии до пяти километров.

Александр не забыл и тетракоптер «чиж» размером с половину баскетбольного мяча.

– Пригодится, – сказал он, пристраивая дрон на плече.

Из оружия взяли с собой ножи, карабин «сайга» и давешние пестики, которыми пользовались непрошенные гости во время встреч с Жаровым.

До ведьминой поляны добрались на удивление быстро – к девяти часам утра. День обещал быть жарким, парило, хотя в лесу это почти не ощущалось.

– Понаблюдаем, – решил Максим, останавливаясь перед упавшей лесиной, за которой виднелся край поляны, а чуть дальше – знакомый Чёрный столб.

Сняли с плеч рюкзаки, отдышались, навели бинокли.

– Стоит столбик! – сказал возбуждённый Илья.

Пока ехали, он успел достать спутников своими разглагольствованиями о древних гиперборейях, пространственных порталах и колдовстве, поэтому Максим почти перестал обращать на него внимание. Хотя иногда товарищ по работе и затрагивал интересные темы, стоящие обсуждения.

– Какая необычная форма, – озадаченно пробормотал Александр. – Человек не человек, морж не морж.

– Динозавр! – пошутил Илья.

– Скорее уж обезьяна без лап.

– По мне, так это тюлень.

– Каждый судит по собственному опыту, – проговорил Максим. – Лично мне этот столб напоминает медведя.

– Подойдём? – предложил инженер.

– Не спеши, дружище. Саня, запусти-ка «чижа».

Александр достал планшет управления беспилотником, настроил систему, и «чиж» на высоте трёх метров направился к Чёрному столбу, вызывающему у разных людей разные ассоциации.

Кот заворочался в коробе, мяукнул.

– Посиди спокойно, Сусанин, – сказал ему Максим. – Выпущу позже.

Дрон спокойно пересёк поляну, облетел чёрного «недомедведя» кругом.

Кот заорал снова.

И в тот же момент беспилотник исчез.

На опушке поляны стало совсем тихо.

– Не понял! – пробурчал Сан Саныч.

– Дрон упал! – сглотнул Илья.

– Не упал, а пропал, – процедил сквозь зубы Максим.

– Надо посмотреть.

– Стойте! – скомандовал Максим, останавливая Александра, намерившегося идти к чёрной глыбе.

– Всё равно придётся искать летуна.

– Минуту!

Кот в коробе зашипел, стал драть когтями крышку.

Максим на всякий случай достал нож: он взял с собой «казак» с особой заточкой лезвия.

Кот мяукнул, и что-то произошло.

Показалось, пространство вокруг поляны передёрнула волна холодного воздуха.

Что-то мелькнуло в траве, в десяти шагах от Чёрной скалы, и над высокой порослью поднялась гибкая фигурка странного зверя, похожего на рысь, с пятнистой шкурой. Но это была не рысь. Утопая по пояс в зелени, на поляне стояла девушка с необычной причёской: блестящие рыжеватые волосы её образовывали гребень, спускающийся по шее за спину, а то, что можно было принять за шкуру, оказалось комбинезоном, облегающим тело незнакомки как модный кэtság. Кроме того, у неё были яркие зеленовато-золотые глаза с раскосинкой, что было видно даже с опушки поляны, и красивый рисунок алых губ.

Она оглянулась на Чёрный столб, передёрнула плечами и заторопилась к краю поляны, прямо к упавшему дереву, за которым стоял Максим.

Только теперь он увидел, что девушка-«кошка» держит в руках беспилотник, исчезнувший несколько минут назад. Боясь испугать незнакомку, он кашлянул.

Она шарахнулась в сторону, округляя глаза.

– Не бойтесь! – вышел из-за дерева молодой человек. – Мы не сделаем вам ничего худого!

Заорал кот.

Девушка замерла, оглядывая заросли кустов, вытащила откуда-то знакомый пестик.

Но в этот момент пейзаж снова колыхнула волна холодного воздуха, и за спиной незнакомки выросла шевелящаяся фигура, напоминающая Чёрную скалу в центре поляны. Но, как оказалось, шевелились не только её руки (лапы?), но и голова, и живот, шевелилось всё тело существа, состоящее из отдельных капель. Сначала Максиму показалось, что это крупные жуки. Потом, приглядевшись, он увидел, что это, скорее, муравьи размером с фалангу пальца.

Девушка издала горловой звук, попятилась к кустам, поднимая свой пестик.

Чёрный субъект рванулся к ней, оставляя за собой струйки оторвавшихся от фигуры насекомых.

Максим, не задумываясь, метнул нож.

Клинок вошёл точно в «медвежью» морду существа, пронизывая её насквозь и вырывая пучок муравьёв. Но монстра это задержало всего на мгновение, и он продолжил бежать или, вернее, течь как поток жидкости, почти не меняя формы.

Бахнуло!

Сориентировавшийся Сан Саныч выстрелил из карабина, заряженного патронами с дробью.

Девушка подскочила вверх, как настоящая кошка.

Эффект на этот раз был существенно значимее.

Заряд дроби буквально снёс голову «недомедведя», и тело преследователя начало оседать валом насекомых, нырнувших в траву и расплзавшихся небольшими струйками.

Девушка в «кошачьем» комби гибко подхватила из травы нож Максима, добежала до опушки поляны, остановилась, увидев мужчин. Перевела взгляд на появившегося слева Александра, на Илью, спрятала пестик и стала смотреть на Жарова. Опустила в траву беспилотник.

– Меня зовут Максим, – продолжил он знакомство.

– Любава, – ответила она красивым женским контральто.

– Верните нож, – попросил Максим.

Она поколебалась, но отдала, точнее – умело метнула клинок так, что он воткнулся в ствол берёзы в метре от Жарова.

Максим с интересом глянул на нож, вытащил.

– Вы из Хлумани?

Глаза девушки стали большими, настороженными.

– Ты... знайом... Хлумань?

Он улыбнулся.

– Я был в Хлумани с друзьями две недели назад.

– Овей, гарно, мати гомола ми.

Одна из струй муравьёв выбралась из травы в лес недалеко от разговаривающих.

Любава не опасливо, а скорее, брезгливо, отступила.

Александр, держа в руке карабин, наступил ногой (он был обут в берцы) на струйку.

– Илья, дави эту дрянь!

Максим заметил, что на ногах незнакомки красуются замшевые с виду сапожки. Взгляд невольно поднялся выше, и он с восхищением подумал: божественная фигура!

Она поняла значение взгляда Максима, иронически сощурилась, и он заторопился:

– Что случилось? Почему за вами гналось это текучее чудовище?

– Медовор, гнаци оболень за всих. Оне усё ближче за наш граничный кордон. Воевода пославо оценить, не забанить ли переход.

– Что?

– Забанить. – Любава показала на чёрную скалу. – Ухрестить до баю.

– Уничтожить?

– Гляне мороку многае, закрыть переход ото чёрны вага, ито маем сгоря черноты.

– Она говорит, – неуверенно посмотрел на Максима Илья, – что переход к ним надо закрыть, нейтрализовать, а то много мороку.

– Да понял я.

– Да уж, – усмехнулся Сан Саныч, – мороку от нас много, если все полезем в их мир.

Кот в коробе царапнул когтями стенку.

Любава оценивающе посмотрела на короб.

– Властиша?

– Что, простите?

– Миелов або мяут, чует поразеше.

– Наш проводник.

– Звер лове натино, хищу живе. И што таве другари делом?

Максим догадался, что имела в виду беглянка.

– Мы хотели проверить, не потеряла ли ведьмина поляна свой секрет. Вы сказали – это переход.

– Переходи огурто многае, гэта опасень. Ино буди морок по земи испокон времат. Погибель всех!

– То есть если не заблокировать портал... э-э, переход, мир погибнет?

– Напрочь!

Максим встретил затуманенный взгляд Ильи.

– Расскажи ей про тех двух бандитов, что за котом охотятся, – сказал инженер.

Любава вопросительно посмотрела на Максима.

– Ко мне дважды приходили какие-то нехорошие парни, требовали отдать кота или убить. Девушка нахмурилась.

– Она вже проникати к нам за Грань.

– Кто – они?

– Ваши сбрендивша вбивци, – почти по-русски сказала Любава. – Она пытко пересечь Рось и вдрати в Уерод. Нелюди.

Друзья переглянулись.

– Интересно, кого она имеет в виду? – проговорил Александр.

– Кажется, я понял, – задумчиво произнёс Максим. – Уж не украинские ли это нацики объявились в наших лесах? Бегут после разгрома.

– В какой-то Еурод.

– Вороги, – услышала военкома девушка.

– А вас кто преследовал?

– Медвор, – поняла она вопрос, – також древни слугха морока предков. Ходи к вам за Грань, не бояться ни остремя, ни опалеми. Мразь!

– Эт точно, – согласился Сан Саныч.

– В таком случае вам возвращаться опасно.

Любава оглянулась, продолжая хмурить красиво очерченные брови.

– Скоро подойды дружни со браты.

– Может, пойдёте с нами?

Любава с сомнением посмотрела на друзей, что-то решая, но ничего сказать не успела.

В кустах за спиной Максима послышался треск, он оглянулся и увидел мелькавшие за деревьями почти неразличимые в сумраке леса фигуры в камуфляже.

Глава 8

Фёдору Трофимовичу Лещине пошёл восемьдесят четвёртый год, но это был ещё достаточно крепкий старик, изъявивший желание остаться в Гнилке, где он прожил все свои годы. Из деревни он решил не уезжать, хотя в ней уцелело только два дома: его хата-пятистенка почти столетнего возраста и дом Варсанофия Ивановича, жившего через два двора. Остальные строения либо рухнули от старости, либо стояли заколоченные.

Гнилку давно списали чиновники райцентра Жуковка как бесперспективную, дороги к деревне заросли травой, и от Сеци до неё доехать было сложновато. Когда у Фёдора Трофимыча была пегая лошадка Красуня, он иногда ездил в Жуковку, имевшую магазин, клуб и базар, да и недалеко стояла военная база со своим складом ГСМ, что ощутимо поддерживало жизнь Сеци. Потом лошадь околела, и Трофимыч стал ездить в село на велосипеде, но редко. Разве что за мукой, крупами и тушёнкой. Остальное он выращивал на огороде сам: картофель, помидоры, огурцы, капусту и лук. А ещё собирал грибы, зная боровичные и груздёвые места в Сещинском лесу, что позволяло ему к зиме наготовить под сотню банок с тушёными и солёными дарами леса.

Гости у него бывали редко. В основном – родственники по линии отца и дети друзей, дважды навещавшие Трофимыча для оценки его владений. Они хотели поселиться подальше от городской суеты и цивилизации и выбирали заброшенные селения для укоренения. Но Гнилка не произвела на них впечатления, и намерения гостей так и остались мечтами.

Зато весной приехал сын племянника с девушкой по имени Лена и молодёжной компанией из четырёх человек, которые прослышали про Чёрный столб и хотели с ним познакомиться. В лес они сходили, предупреждённые Трофимычем о коварстве ведьминой поляны, заблудились и вернулись только к вечеру, уставшие и радостно-возбуждённые от своих приключений.

Затем две недели назад, четырнадцатого августа, к Трофимычу приехала ещё одна компания во главе с толстяком по имени Олег. Оставила свои машины возле дома старика и отправилась в лес рано утром, взяв с собой кошёлки для грибов. Но вернулись гости после обеда без грибов, усталые и малоразговорчивые. На вопросы Трофимыча Олег отвечал неохотно, однако всё же старик понял, что грибники не только поплутали вокруг поляны с Чёрным столбом, но и побывали где-то в непонятной местности, названной ими Хлумань. Никаких деревень с таким необычным названием в округе Сеци не имелось, и Трофимыч сообщил об этом ребятам. На что один из них, по имени Илья, заметил со смехом:

– Мы прорвались в пространственную складку, сохранившую древнюю гиперборейскую общину.

– Какую-какую? – удивился Трофимыч.

– Гиперборейскую, где жили наши предки.

– Может, и не гиперборейскую вовсе, – проворчал Олег, – но, безусловно, древнюю. Будем думать, как бы начать исследования столба с поляной.

– Лучше не надо, – нахмурился старик.

– Почему?

– Потому что там уже не единожды люди пропадали. Я о ведьминой поляне слышал от своего деда, а тот от своего, так что столб тот стоит уже лет двести, а то и больше.

– Намного больше, если, – сказал Олег, – если верить в войну Атлантиды и Гипербореи, произошедшую двенадцать тысяч лет назад.

– Насчёт таких старин я не знаю, но поляна опасна.

– Тем более надо определить степень риска.

Грибники уехали, а двадцать седьмого августа к Трофимычу приехали ещё трое молодых парней на белой машине, которую они называли «московским китайцем». Двое из них были старику знакомы – Илья и Максим, третий, выше всех на голову, мускулистый блондин по имени Александр (спутники называли его Сан Санычем) оказался военкомом из Брянска.

Развиднелось, когда они тоже оставили машину во дворе дома и отправились в лес, экипированные почти по-военному. Как и первый раз, Максим нёс короб, в котором сидел рыжий кот.

– Проводник, – усмехнулся хозяин, реагируя на заинтересованный взгляд старика.

Трофимыч покрестил их вслед и побрёл кормить кур, которых у него насчитывалось больше десятка. Так как погода обещала быть жаркой, он решил пару часов покопаться в огороде, а потом залечь на лежанку, отдохнуть. Но заняться делами старику не дали. Через полчаса после ухода гостей к дому подъехала ещё одна машина, в которой сидели четверо мужчин разного возраста, трое небритых и один похожий на волчонка, безусый и безбровый.

Трофимыч вышел к машине с огорода, разглядывая необычную её конфигурацию; это была багги «Барс» чеченского производства, но старик таких не встречал ни разу.

– Эй, хозяин, – окликнул его кряжистый бородач с почти прозрачными, словно мёртвыми глазами, глядя на белую машину во дворе дома, – куда пошли те, с тачки?

– В лес, – буркнул Трофимыч.

– А точнее?

Старик оглядел прибывших. Все четверо были одеты в камуфляжные костюмы и зеленоватого цвета футболки под ними. Обуты они были в ботинки с металлическими носками, кроме «волчонка»: на пацане красовались кроссовки. Оружия у них Трофимыч не увидел, но чувствовал, что вся четвёрка зла и опасна.

– Не знаю, не спрашивал.

– О чём говорили? – продолжал расспросы здоровяк.

– О погоде, – усмехнулся Трофимыч.

Гости перебросились короткими рублеными фразами, ни одну из которых старик не понял, и бородач с плешью на затылке снова обратился к нему:

– Давно здесь живёшь?

– С роду, – буркнул старожил Гнилки, теряя интерес к разговору.

– Знаешь, где переход?

– Что?

– Ведьмина поляна.

– Знаю, в лесу.

– Веди!

Брови старика взлетели на лоб.

– Это с какой такой дури? Я уже лет двадцать не ходок, коленки скрипят, дальше двора не гуляю.

– А велосипед у крыльца стоит.

– Племяш приезжал, катался.

– Собирайся, отведёшь к поляне.

Трофимыч хотел ответить матом, но передумал. Молча ушёл в дом и вернулся с ружьём «Иж» ещё советского производства, направил ствол на четвёрку приезжих.

Гости переглянулись. Спутник бородача, заросший жёлтым волосом, вынул откуда-то из-за пазухи бело-серый мосол, как показалось Фёдору Трофимычу. Но бородач качнул головой, и владелец мосла спрятал его обратно.

– Идите с миром, господа хорошие! – мрачно предупредил старик. – Не ровён час стрельну, не разучился ишо, не промажу.

– Я його вбью нахер! – ощерился «волчонок».

– Пошли, – сказал бородач, – сами найдём. Тут тропинка должна быть, деревня много лет в лес ходила, след наверняка остался.

Мужики залезли в машину, кабина которой была обшита каркасом из труб, и та, зарывав, отъехала на край деревни. Пассажиры вылезли и потянулись цепочкой в лес.

Трофимыч проводил их недобрым взглядом, потом заторопился, нацепил «лесные» дерюжные штаны и брезентовую куртку, рассовал по карманам патроны с дробью и парочку «жаканов» для охоты на крупного зверя, надвинул на лоб старую шляпу и направился к лесу. Проходя мимо машины приезжих, он задержался на несколько секунд, вставил под заднее колесо гвоздь-«сороковку» под углом в сорок пять градусов, чтобы остриё уткнулось в резину, и, довольный своим решением, углубился в заросли боярышника, за которыми начинался смешанный сосново-елово-берёзовый Сещинский лес.

Глава 9

Если бы напавшие на группу Максима люди подобрались ближе, им удалось бы расправиться с путешественниками из Брянска. Но то ли они понадеялись на свои возможности, то ли на скорость атаки, то ли не взяли в расчёт подготовку друзей – и не успел отреагировать на появление чужаков только Илья. Ему первому достался разряд из пестика, уложивший парня на травяно-моховую подстилку на опушке поляны.

Максим, уже знакомый с действием излучателей «нокаута», формой напоминающих пестик и одновременно кость, успел отпрыгнуть за ствол берёзы.

То же самое сделал и Сан Саныч, обладая реакцией волейболиста, почти не уступающей реакции теннисиста.

Девушка не двинулась с места, только пригнулась, ворочая точёной головкой. Потом вытащила пестик. Максим так и не понял, где она его прятала. Но судя по всему, она если и не знала, то понимала, что за люди объявились в лесу.

Их оказалось четверо.

Одного Максим узнал: это был тот самый бородач, который приходил к нему домой с требованием утопить кота. Он и его спутники двигались цепью, как бы охватывая поляну, с треском прокладывая себе путь.

– Бегите! – крикнул незнакомке Максим. – У них психотронные излучатели!

– Глушары, – проговорила она низким контральто. – Обибоч наутёк! Сгинете!

– Мы не пропадём, уходите!

Любаве хватило мгновенья, чтобы принять решение. Она вытянула руку со своим оружием в сторону бегущего на неё мужика, с острия пестика сорвалась почти невидимая струйка колебаний воздуха, угодила в тёмную фигуру. Раздался хриплый рык. Человек с ходу нырнул в траву.

– Гэта ваши жуажины... кодла Морока... бегтя лыби!

Голосок девушки растаял, и она исчезла.

Раздался выстрел: Сан Саныч нашёл цель, и Максим перестал думать о жительнице мира за границей ведьминой поляны. С хрустом топча попавшийся на пути муравьиный ручей, он метнулся в кусты, поднырнул под ствол упавшей давно сосны, пропуская над собой бледный клинок «нокаута» (кожу на спине продрал мороз!), и выскочил слева от мужика в камуфляжном комбинезоне. Тот уже разворачивался на треск ветвей под ногами Жарова, пришлось бросать нож, практически не целясь.

Клинок вонзился в руку, держащую пестик. От неожиданности владелец глушара неловко дёрнулся, остріё «нокаута» сверкнуло, и мужчина упал как подрубленный; разряд попал ему в висок.

Ещё раз громынуло!

Однако, как оказалось, на этот раз стрелял не Сан Саныч. В лесу за спинами странных охотников появился ещё один стрелок. Максим не сразу понял, что это Трофимыч. В отличие от чужаков он крался бесшумно, и те узнали о нём только после выстрела, красноречиво оценив атаку: троица со сдавленными криками пустилась в бега, хотя их численность сравнилась с количеством бойцов отряда Максима после потери Ильи и падения мужика, в руку которого попал нож. Через несколько секунд беглецы растворились в лесу, бросив своего спутника.

Выдержав минуту, Максим вышел к поляне, держа пестик наготове. Наклонился над Ильёй. Парень был без сознания, но дышал.

Подбежал Сан Саныч.

– Жив?!

– Получил нокаут!

– Что?!

Максим показал ему свой пестик.

– Любава назвала эту штуковину глушаром. Стреляет каким-то излучением.

– Подходящее название.

– Лишь бы не случился инсульт!

– Помоги.

Вдвоём они расстегнули куртку Ильи, задрали рубашку, обнаружили под ключицей кольцевидную зеленоватую припухлость. Сан Саныч дотронулся до неё пальцем, озадаченно качнул головой.

– Холодная...

– Принеси воды.

Александр метнулся к месту, где он оставил рюкзак, принёс бутылку минералки без газа. Смочили виски инженера, губы, грудь. Илья задышал чаще, открыл мутные глаза. Сан Саныч помог ему сесть.

– Что болит?

– Тут... – Палец молодого человека коснулся зеленоватой припухлости, он скривился. – Как нож вогнали... ледяной.

– Хорошо, что не в сердце. Давай помогу встать.

Подхватили парня под мышки, поставили на ноги.

– Идти можешь?

– Могу... наверно.

Сан Саныч огляделся.

– А где эта... драная кошка?

– Ушла обратно. Не обзывайся, девчонка что надо.

– Тебе видней, ты холостой. Куда она ушла?

– К себе, в эту Хлумань, наверно. Хотя, может быть, и в другое место.

Максим оставил спутников, вернулся к боксу, в котором сидел кот.

– Что молчишь, Рыжий? Перепугался?

Кот слабо мяукнул.

– Потерпи, заберу скоро.

Максим позвал неожиданного соратника:

– Фёдор Трофимыч, выходите, они удрали.

Из-за ствола сосны выбрался житель Гнилки, умело держа в руках ружьё.

– Убрались, супостаты?

– Ломанулись куда-то. Как вы нас нашли?

Старик усмехнулся.

– Я тут каждую травинку знаю. Но они далеко не уйдут.

– Почему?

– Ведьмина поляна так просто не отпускает, кто на неё вышел. А вы бы поторопились в деревню, эти приехали на какой-то трубчатой тачке, оставили её за околлицей. А там во дворе и ваша стоит. Не ровён час, шины проткнут, а то и вовсе спалят.

– Понял, сейчас гляну на четвёртого бандита, они его бросили, и рванём обратно.

Мужик, заросший чёрным волосом по глаза, лежал в низинке за кустами орешника, куда скатился после самострела. Его пестик валялся на траве, как обглоданная волком кость серого козлика.

Максим наклонился, вытащил у него из предплечья нож, прислушался, пытаюсь уловить дыхание чужака, приложил палец к шее лежащего. Тот был мёртв. На виске волосатого, куда пришёл разряд глушара, наливалась зеленью кольцевидная опухоль.

Подожли остальные.

– Жив? – спросил Александр.

– Двухсотый, – ответил Максим угрюмо, чувствуя себя негодяем. С одной стороны, он был не виноват, что неведомый жуажин, как назвала его Любава, при атаке жутким разрядником, нокаутирующим людей, выстрелил в себя сам. С другой – мужик был мёртв, и это вело за собой целую цепочку неприятных мероприятий и объяснений с полицией.

– Идите, – сказал Трофимыч раздумчиво. – Вам надо побыстрее добраться до машины.

– А он?

– Я его похороню.

Мужчины переглянулись.

– Правильное решение, – кивнул Сан Саныч. – Мы ему уже ничем не можем помочь, а он всё-таки нехороший человек, раз хотел нас убить. Я помогу Трофимычу.

– Тогда я галопом к машине, а вы подтягивайтесь.

Максим подхватил кошачий короб и заторопился прочь, надеясь, что ведьмина поляна отпустит его без проявления своих колдовских свойств.

Но обошлось без приключений. Он выбрался на едва заметную тропинку, по которой они и добрались до Чёрного столба, прибавил ходу и меньше чем за час добежал до хаты Трофимыча, никого не встретив.

Машина стояла на месте. Во двор, судя по отсутствию следов, никто из чужих не заходил.

Максим обошёл «Сеул», с облегчением убедился в его нетронутости, поставил кошачью переноску в салон, не рискуя выпускать зверя на волю.

– Посиди ещё часок, скоро домой поедem.

Кот мяукнул, давая понять хозяину, что он смирился со своим положением.

Пришла мысль глянуть на тачку преследователей. Она стояла в конце деревни напротив полуразвалившегося дома с заколоченными рассохшимися досками окнами. Максим сразу узнал марку четырёхместного багги, производимого на заводах Чечни. Прислушиваясь к звукам, доносившимся из леса, начинавшегося всего в двадцати шагах от околицы, он осмотрел вездеход, обнаружил в бардачке ручную гранату Ф-1, удивился, вытащил, убедившись в отсутствии растяжки. Граната была настоящая, тяжёлая, обшитая зелёной рубчатой рубашкой. Зачем она была нужна владельцам багги, не хотелось думать. Повертев её в руках, сунул эфку в карман. Хотел было проколоть шины вездехода, однако обнаружил гвоздь под задним колесом, решил оставить и вовремя остановился, подумав, что уж лучше вернувшиеся из леса жуажины уедут, не вымещая злость на Трофимыче. Вернувшись к лифтбеку, Максим стал ждать своих, ополоснув лицо под умывальником во дворе.

Однако первыми через полчаса выбрались из леса преследователи в камуфляже. Максим видел, как они суетились у своего вездехода, расселись, и багги направился к дому жителя Гнилки.

Тогда Максим вышел на заросшую травой улицу деревни, держа в одной руке пестик глушара, а в другой – гранату.

Багги остановилась в полусотне метров.

– Уезжайте! – Он поднял руку с гранатой. – Взорву к чёртовой матери!

В руках пассажиров замелькали «бараньи мослы».

Заныло в груди: угроза перестала казаться действенным способом разрядки ситуации.

Максим направил остриё глушара в блистер автомобиля, сосредоточился, выговорил внутрь себя: бабах!

Глушар ожил, леденя, испустил прозрачный поток завихрений воздуха, как плетью взбивший пыль на дороге.

Но и это не помогло. Седоки начали вылезать из вездехода, явно намереваясь воздать обидчику должное.

Раздался выстрел!

Все трое громил присели, показывая тем самым, что им знаком этот звук.

Из леса за кормой багги появились Сан Саныч и Трофимыч, вооружённые карабином и ружьём.

– Считаю до трёх! – крикнул Максим, поднимая эфку повыше.

Мужики обменялись взглядами, главарь компании что-то проговорил, и троица резво полезла в вездеход. Машина развернулась, покатила в другую сторону, исчезая за деревьями.

Вслед за Сан Санычем вышел еле переставляющий ноги Илья.

– Успел? – осведомился Александр, кивая на машину.

– Минут на сорок раньше прибежал, – кивнул Максим.

– А это что у тебя?

– Граната, вытащил из их бардачка.

– Ни хрена себе грибнички!

– Забирайтесь, поедем домой.

– На поляну не пойдём?

– В другой раз, надо сначала кое в чём разобраться. Илья, как самочувствие?

– Как жабу проглотил, – сморщился инженер. – Голова кружится.

– Ничего, дома подлечим, – сказал Сан Саныч. – Порезвей надо ворочаться, реагируешь на ситуацию как черепаха.

– Кто же знал, что они станут стрелять.

– Тренируй внимание и реакцию, думай побыстрее.

– Где я буду реакцию тренировать?

– Учись у Макса теннису, очень помогает. Кстати, Максим, Трофимычу тут некомфортно оставаться. Вдруг те мордороты вернуться?

– За меня не переживайте, – проворчал старик. – Что им с меня взять? Разве что кур.

– Мобила есть?

– Старенькая, кнопочная, без наворотов.

– Дай номер, мы позванивать будем. Да и ты звони, если что.

– Вы ещё приедете?

– Обязательно! – твёрдо пообещал Максим.

Хлопнули дверцы, заворчал мотор, дом Трофимыча, а потом и деревня остались позади.

А перед глазами Максима всплыла фигурка девушки по имени Любава, в своём пятнистом комбинезоне похожей на большую кошку.

Глава 10

День прошёл без дополнительных происшествий, хотя Фёдор Трофимыч нет-нет, да и вспоминал сражение в лесу с неизвестными колдунами. Да и как их ещё называть, если они владели костями, стреляющими электрическими (или не электрическими, но не менее опасными) разрядами? Деда утверждали, что такими мослами пользовались ещё дохристианские бродяги, время от времени объявлявшиеся на Брянщине. Но так было тысячи лет назад, и было ли – не проверить. И вот они снова вылезли из какой-то щели на божий свет, проявив интерес к Чёрному столбу, торчавшему посреди Сещинского леса испокон веков. Максим из Брянска предположил, что бандиты принадлежат какому-то подразделению украинских нацистов, разбежавшемуся по лесам Украины, России и Белоруссии, и, наверно, эта идея была верной.

Что один из нациков погиб, Трофимыча не расстроило. Он не испытывал к вооружённым гостям никакого уважения, инстинктивно чуя звериную сущность убитого, в свою очередь способного спокойно расстрелять приезжих из Брянска. Но этот случай тянул за собой целую цепь неприятностей, ждать которые было тягостно.

После обеда Трофимыч навестил соседа Варсанофия, которого называл Варькой (тот был на три года моложе), приехавшего на мотоцикле из райцентра Жуковка, и рассказал ему историю с нападением неизвестных бандитов.

Варька – низкорослый, но кряжистый, седобородый и лысый, с носом-картофелиной, пожевал концы висячих усов и изрёк:

– В полицию бы заявить, да нельзя, на тебя же и повесят убиенного. Документы его проверили?

– Нету у него никаких документов. Мосол отобрали, ножик нашли, кошелек с деньгами, и всё.

– Мосол?

– Ну, эту костяную заточку. Максим называл её глушаром, а его напарник Илья гипноиндуктором и психотронным излучателем.

– Покажи.

– Увезли с собой, говорят, покажут спецам в лаборатории.

– Слышал я об этих мослах, но давно, пацаном, году в шестидесятом. Кто-то из моих стариков сталкивался с монахами, у которых были такие кости.

– Нынешние не монахи, в военном.

– Молодёжь?

– Не, зрелые уже, троим лет под пятьдесят, только один молодой, на волчонка похож. Похоже, украинские «партизаны», чтоб они сдохли! Может, нам уехать дня на три? Максим советовал посидеть где-нибудь подальше от деревни.

– А смысл?

– Я же помог нашим ребятам?

– Если хочешь, езжай к родичам, есть куда?

– В Бежице сестра двоюродная живёт, в Гостиловке племянш Боря. Сын в Дятькове.

– Вот к сыну и подавайся, а я тут присмотрю за хозяйством. Мне они ничего не сделают, меня тут не было, когда ты партизанил.

Фёдор Трофимыч вернулся к себе, продолжая размышлять о происшествии, позвонил сыну, и тот пообещал приехать на следующей неделе. Юрий работал в дятьковской МЧС и не всегда имел возможность бросить работу даже на день.

К шести часам, когда солнце начало клониться к западу, щедро нагревая окрестности Гнилки до тридцати градусов, прискакал взмыленный Варька. Он был в обрезанных штанах, превращённых в модные шорты, и линялой майке, босиком.

– Трофимыч, видал?!

– Чего? – разогнулся от грядки с клубникой старик.

– Муравьи! Размером с палец! Во!

Он показал тельце громадного чёрного муравья, действительно превышавшего лесных трудяг вчетверо.

Трофимыч осмотрел насекомое, не прикасаясь к нему, покивал.

– Я уже видел таких.

– Где?

– В лесу, у ведьминой поляны. Их там до хрена.

– Откуда они взялись? У нас-то и муравьёв почти не осталось.

– Надо бы сходить к столбу, посмотреть.

– Что это даст?

– Будем знать, откуда лезут такие страшилища. Как бы их появление не было связано с бандой в камуфляже.

– С какого бодуна? Они что, с собой муравьёв носят?

– Не знаю, в голову пришло. Спасибо, что предупредил. Пойду собираться.

– На ночь глядя?

– Ещё только шесть, час туда, час обратно, дотемна успею.

– Тогда и я с тобой.

– Давай, если больше делать нечего.

Собрались быстро, переоделись в «лесное», накинули жёлтенькие безрукавки, посовав по кармашкам разные необходимые в лесу причиндалы, взяли ружья и отправились в лес, рассчитывая вернуться к вечеру.

Пока добирались до ведьминой поляны, взопрели. Нашли недалеко болотце с лужицей воды, умылись, щедро поливая головы мутноватой жидкостью. Вернулись к тропинке и увидели ручеёк муравьёв, уползающий в кусты. Было непонятно, что они искали, так как ручей вёл себя почти разумно, обходя препятствия и делая круги. Заметив стариков, он повернул к ним, и Варсанофий, издав горловой рык, отбросил головную группу насекомых ногой, обутой в сапог.

Остальные муравьи начали было расползаться, но снова собрались в ручей, который целенаправленно двинулся к жителям деревни.

Варсанофий поднял ногу, собираясь растоптать гигантов, но Трофимыч остановил его:

– Не бесись, всех не передавишь, их тут ещё много.

Сделали крюк, обходя стайки муравьёв.

Остановились в десятке шагов от поляны, разглядывая Чёрную глыбу посреди, воспринимаемую как страж поляны и всего леса, недовольный появлением людей.

Трофимыч пригляделся к глыбе, и ему почудилось, что камень пульсирует, то увеличиваясь в размерах, то уменьшаясь.

– Варька, что видишь?

– Каменюку, – мрачно ответил сосед.

– Тебе не кажется, что она танцует?

Варсанофий помолчал.

– Вроде как качается... ох, чует моё сердце, не к добру это.

– Ну и сидел бы дома, – рассердился Фёдор Трофимыч, снимая с плеча ремень ружья. – Чего теперь нить?

– Можно подумать, ты круче, – огрызнулся Варька. – Зачем лезть на рожон? Тебе уже не двадцать пять.

– Но и не сто. Пойду про... – Старик не договорил.

Внезапно поднялся холодный ветер, прянувший от Чёрной глыбы. Она резко увеличилась в размерах и раздвоилась. Во всяком случае, так показалось обоим старикам. Вторая глыба оторвалась от первой и превратилась в человека, одетого в необычный для местных жителей костюм: кафтан, состоящий из металлических на вид блях, обтягивающие ноги тёмно-серые штаны и сапоги до колен. Волосы на голове мужчины – это был молодой парень лет двадцати, не больше – были перетянуты красной лентой через лоб, гладкое загорелое лицо застыло, украшенное порослью коротких волос цвета соломы, которую трудно было назвать бородой. Он отскочил от продолжавшей зыбиться глыбы, держа в левой руке сверкнувший меч, в то время как правая была прижата к виску. Когда он отступил от глыбы на несколько шагов, направив к ней меч остриём, Трофимыч понял, что красная лента на самом деле представляет собой язык крови. Парень был ранен.

Старик хотел было окликнуть его, но в этот момент столб в центре поляны снова раздвоился, и от него отделилась чёрная фигура, похожая не то на медведя, не то на сивуча, и поплёрлась через поляну вслед за пятившимся парнем. Через несколько секунд стало ясно, что она состоит из множества насекомых – тех самых муравьёв, поразивших Варсанофия Ивановича, которых здесь развелось немалое количество.

– Оборотень! – выдавил он хрипло.

– Стреляй!

Трофимыч выстрелил дробью, снося зарядом бок текучего чудовища.

Бабахнул из своей старенькой «тулки» и Варька, угодив прямо в голову «сивуча-медведя».

Раненый молодой человек шарахнулся в сторону, оглянулся на лес за спиной.

– Иди сюда! – крикнул Трофимыч. – Не бойсь, свои!

Парень посмотрел на оплывающий бугор муравьёв, попятился и заторопился к опушке поляны, путаясь в траве.

Старики вышли к нему навстречу.

– Благодарь вамо! – Парень кинул ладонь от виска на грудь, поклонился и едва не упал. Лицо его стало наливать бледностью. Трофимыч едва успел подхватить незнакомца под руку.

– Держись, друг!

Светло-голубые глаза парня затянуло поволокой.

– Обереги... тамо медоворы...

Трофимыч понял, что речь идёт о ходячих муравьиных кучах.

– Ничего, мы их встретим! Идти сможешь?

– Куды? – совсем по-русски спросил незнакомец. Он был выше стариков на голову, шире в плечах, и чувствовалось, что он воин, несмотря на молодость.

– Тут недалече деревня, мы тебя перевяжем и подлечим.

– Врача вызовем, – добавил возбуждённый происшествием Варька.

– Лекарь не имат важной удыби... вороги в Хлумани... мие ойдоле обратно. – Парня качнуло.

– Куда ты в таком состоянии?! – укоризненно покачал головой Трофимыч. – Умереть хочешь от потери крови?! Отлежишься и пойдёшь в эту свою Глухомань. Тебя как звать?

– Малята...

– Меня Трофимыч, его Варькой. Идём потихоньку.

Подумав, парень двинулся в глубь леса, поддерживаемый с двух сторон, однако пройти смог всего метров сто. Остановился, что-то глухо проговорил и осел на траву.

Старики захопотали над ним, осматривая рану на виске – глубокий порез, сочащийся кровью, обнаружили ещё два – над ключицей и под коленом левой ноги. В этих местах одежда Маляты уже пропиталась кровью, и её надо было остановить.

Варсанофий поскакал по зарослям вокруг, ища нужные травы. Трофимыч снял с себя майку, порвал на полосы. Попытался стащить с парня его кафтан, однако не сумел. Кафтан с виду не имел застёжек и походил больше на кольчугу, сшитую из металлических с виду пластин размером с детскую ладошку, но оказалось, что пластины деревянные, судя по рисунку на них. Трофимыч с трудом оттянул край костюма от раны над ключицей, проделанной каким-то острым предметом наподобие медвежьего когтя.

Прибежал Варька с ворохом растений.

Протёрли раны зверобоем, наложили пахучие травяные повязки, как могли, замотали их полосами майки.

– Здоровенный бугай, – проворчал Варсанофий Иванович. – Не дотащим.

Малята услышал его, приподнялся.

– Благодарь со миемо... двигав само.

Опираясь на руки стариков, он встал, не выпуская из руки меч, шагнул было к поляне.

– Ты куда?! – опешил Трофимыч. – Там же эти... муравьиные медведи!

– Ито обжесть воища! – выговорил гость из Хлумани. – Воны ждущ ходоков з вашей стороны. Мени посла Любава за благодарнось. Попав у засаду. Ничо, пробьюсь, прощевайте.

– Ч-чёрт! – в сердцах проговорил Варсанофий Иванович. – Ждут его там, видите ли. А ежели не те ждуть?

Трофимыч протянул Маляте ружьё.

– Возьми, пригодится. Правда, патронов всего десяток, зато сможешь отбиться, ежели полезут твари.

Малята толкнул воздух ладонью, отказываясь от оружия.

– Несть нужды в огнебое, острики вернее, а вам само лоди на медворы.

Шатаясь, но с каждым шагом всё твёрже ставя ноги, он пошёл к Чёрному столбу, направил на него остриё мосла и через несколько мгновений растаял в воздухе.

Варсанофий Иванович шумно выдохнул.

– В ребро твоему бесу! Расскажи кому – не поверят!

– Вот и не рассказывай, – буркнул Трофимыч, решив сразу после возвращения домой позвонить в Брянск, Максиму.

Глава 11

Весь вечер друзья провели дома у Максима, устроив «разбор полётов» после возвращения из Сещинского леса. Ни на один вопрос, возникший в связи с событиями у ведьминой поляны, ответить им не удалось, и оба решили взять недельный отпуск на работе и заняться проблемой прорыва в земную реальность фимиамов из «соседнего» мира, существование которого Илья объяснил новомодной теорией Мультиверса – Большой Вселенной, внутри которой постоянно рождались «малые» – родственники родной Вселенной со звёздами, их скоплениями и планетами.

На следующий день Максим заявился к Сёмушкину и написал заявление на недельный отпуск. Олег, конечно, сразу догадался, какая причина толкнула старшего инженера лаборатории на этот «подвиг», и даже попросил подождать пару недель.

– Закончим работу по датчикам, – сказал он, – и поедем в Сещинский лес вместе.

Однако Максим был непреклонен, поскольку из памяти и сердца не уходило видение девушки в «кошачьем» комбинезоне и ему не терпелось увидеться с ней снова.

После обеда в этот же день ему внезапно позвонил Фёдор Трофимыч, житель Гнилки, и подробно рассказал о своём походе к ведьминой поляне и о встрече с неким Малятой, попавшим в засаду у местечка Хлумань.

– Мы с Варькой хотели его подлечить в деревне, – сказал Трофимыч, – но он боец и отказался, объяснив, что его ждут дома.

Максим вспомнил, как уходила Любава – после появления существа в форме муравьиной кучи.

– Что он ещё сказал?

– Ничего, – виновато ответил Трофимыч.

– Ждите, приедем завтра утром! – пообещал Максим старику.

На этот раз они подготовились к походу ещё серьёзнее, чем в прошлый раз. Вместо туристических костюмов «горка», предназначенных для туризма и рыбалки, имевших антимооситные сетки, военкому удалось раздобыть спецкостюмы «ратник», а к ним раздобыл шлемы с цифровыми целеуказателями «роса», нашлемные лазеры, планшеты с «облачной» гарнитурой и связью со спутниками, и пистолет «гюрза» с шестью обоймами по двадцать четыре патрона в каждой. Пистолет он отдал Максиму, а сам вооружился карабином СКС, непревзойдённым ни одним видом подобного оружия с начала его поступления в Вооружённые силы России в пятидесятых годах прошлого века. Кроме того, военком смог достать и две светошумовые гранаты «раскат», хотя Максим надеялся, что они не пригодятся.

– Эх, нам бы ещё пулемёт! – вздохнул Александр, когда они паковали все прибаамбасы по карманам «ратников». – «Корд», к примеру, пулемётик последней конструкции, калибра пять сорок пять.

– И ПЗРК в придачу, – фыркнул Максим, – и БТР, а лучше – «Армату» с новой пушкой.

– Тогда уж лучше «вертушку» типа «Аллигатор».

Посмеялись.

Отправились в Гнилку первого сентября рано утром.

В половине восьмого добрались до деревни, попили чаю с хозяином хаты, поговорили с ним о делах, спросили, не появлялись ли в окрестности Гнилки давешние «партизаны» на багги. Трофимыч отрицательно помотал головой, и «десантники», уже вдвоём, без Ильи, отправились в лес.

Почти сразу начали попадаться грибки, вышедшие на тихую охоту.

Пришлось прятаться, пропуская то одного, а то двух сразу. Не хотелось пугать людей своим воинственным видом. Из интернета стало известно, что после войны на Украине оттуда

в Россию начали просачиваться террористы-нацики, убийцы и грабители, и хотя эта кампания была намного слабее партизанской войны ОУН³ после Великой Отечественной войны, группы необандеровских отмороzków, служителей смерти, заходили иногда и на территорию Белгородской, Смоленской и Брянской губерний.

Однако до ведьминой поляны пара добралась без происшествий.

Уже за полсотни метров до поляны стали попадаться муравьи, рыскающие по лесной почве меж корней и кочек. Вели они себя как и обычные муравьи, исполняя какие-то свои обязанности, разве что при появлении людей начинали собираться в стайки.

Сан Саныч раздавил несколько таких «разведгрупп», потом перестал обращать на них внимание.

Кот, смиренно сидевший в своём «купейном боксе», заворочался и мяукнул.

Максим открыл короб, выпустил животное, прикрепил к поясу длинный пятиметровый поводок, тянувшийся к ошейнику Рыжего.

– Веди, только не ори.

Кот вопросительно зыркнул на него внимательными умными глазищами, понял, что от него требуется, полез на поляну, проскальзывая мимо куртин травы.

– Прямо-таки прирождённый разведчик! – с завистью проговорил Сан Саныч. – Где бы себе такого найти?

– В Жуковке полно бездомных котов.

– Если бы дело было только в этом. Жена почему-то с детства не любит мохнатиков.

– Почему?

– Не спрашивал, не любит, и всё тут.

– Ладно, потопали потихоньку, держись за спиной.

Но кот не стал двигаться прямо к Чёрному столбу. Преодолев метров десять, он встал на задние лапы, вытянулся во весь рост, удивив обоих мужчин, посмотрел на Чёрную глыбу и направился в обход.

– Эй, зверь, – окликнул его Максим, – ты куда?

Кот не ответил, только ускорил движение.

Обошли камень по дуге, потом Рыжий замер, подняв правую лапу, словно предупреждая следующих за ним друзей. Шерсть на спине встала дыбом.

– Саня, подойди ближе, – прошептал Максим.

Сан Саныч приблизился.

Максим выбрал поводок, чтобы кот был в пределах досягаемости рук.

Замерли, касаясь друг друга локтями.

Кот неуверенно мявкнул, произнося что-то осмысленное: ммяутамрр! – шагнул вперёд. За ним двинулись мужчины. И тотчас же пространство поляны вокруг содрогнулось, как мыльный пузырь, друзья на миг потеряли ориентацию, почуввав порыв холодного ветра, и... оказались на том же самом месте, в десяти шагах от Чёрного камня. По первому впечатлению. Потом Максим стал различать детали пейзажа и понял, что вокруг поляны стоит совсем другой лес.

Во-первых, здешняя поляна была меньше первой.

Во-вторых, деревья вокруг стояли выше, оставляя лишь небольшой клочок неба над Чёрным обелиском.

В-третьих, их породу определить с первого взгляда было непросто, не в последнюю очередь из-за сумрака, царившего в здешнем лесу, но больше из-за конфигураций ветвей и листьев. Некоторые из них, обладающие самыми толстыми стволами, напоминали одновременно ели и хвощи. Да и кустистая трава, запленившая поляну резными фрактальными кружевами, казалась незнакомой.

---

³ ОУН – организация украинских националистов.

– Прошли! – выдохнул Максим.

Кот мякнул, отступая к его ногам. Хвост животного вытянулся горизонтально, глаза фосфорически сверкнули, он дрожал и облизывался, словно видел что-то, не видимое людям. Максим взял его на руки.

– Успокойся, малыш! Ты не один! Куда нам идти, подскажешь?

Рыжий перестал дрожать, вытянул морду к ближайшим зарослям.

– Туда? – уточнил Жаров.

– Мда! – мякнул кот.

– Обалдеть! – хмыкнул Александр. – Может, он тут по-человечески разговаривать начнёт?

– Это не игра, – сказал Максим убеждённо. – Илья прав, мы попадаем в пространственную складку, живущую по вполне реальным законам физики.

– Магия тоже базируется на законах физики, каких мы ещё не знаем.

– Странно, что до наших походов никакие колдуны в лесу не появлялись. Такое впечатление, будто мы разбудили спящее зло.

– Вряд ли в этом наша вина, – возразил Сан Саныч. – Просто мы попали не в то место и не в то время. Вернее, мы просто стали свидетелями прорыва портала. Трофимыч говорил, что первые случаи появления нехороших парней отмечались ещё сотни лет назад, если верить стариковским сказкам.

Максим двинулся к заросшей кустарником кромке леса.

Кот начал вырываться из рук. Пришлось отпустить его на всю длину поводка.

С трудом выбрались на свободную от зарослей прогалину.

– Ищи тропинку! – скомандовал Максим.

Как ни странно, кот опять повёл себя вполне по-человечески. Он снова встал на задние лапы, вытягиваясь во всю длину, огляделся и свернул налево, к дальнему концу влажной низинки. Через несколько минут нашлась тропка, едва заметная среди густо разросшихся ползучих растений наподобие повилики. Кот перестал красться, побежал резвей.

Тропинка петляла, обходя болотца, иногда совсем пропадая из виду, но благодаря нюху кота всё-таки вывела путешественников к краю деревни, которую Максим уже видел недавно и которую её жители называли Хлумань.

Кот остановился, заурчал.

Максим прислушался к своим ощущениям, посадил проводника в сумку.

– Какая лепота! – оценил первое строение деревни Сан Саныч. – Церковь, что ли?

– Теремно-шатровая архитектура, – важно сказал Максим, успевший проштудировать дома кое-какую «сетературу» по древнерусскому зодчеству. – Такими были поселения в Гиперборее.

– Откуда сведения?

– Не из Википедии, – усмехнулся Жаров. – Есть вполне себе научные сайты, я полистал труды многих историков и архитекторов.

– Почему здесь не видать жителей?

– Подожди, появятся.

– Думаешь, у них телекамеры есть?

– Может, и есть.

– Ты серьёзно?

– Если вспомнить прочитанные книги, то жители Хлумани вполне могут использовать птиц в качестве камер.

– Что-то не видел тут птиц.

Словно реагируя на это заявление военкома, над головами ходоков пролетела крупная чёрно-белая птица величиной с локоть.

- Вот и сорока-белобока, – хмыкнул Максим.
- Сороки обычно тарахтят, как... сороки, а эта молчит.
- Мало ли что у неё на уме? Чем тебе не телекамера?

Они двинулись было к окраине селения, но остановились, заметив движение возле второго дома с тремя разновысотными резными башенками. Из распахнутой двери вышли две женщины: пожилая, лет за шестьдесят, и совсем юная, почти девочка, напомнившая Максиму Любаву. Они были одеты в цветастые сарафаны с разным рисунком и орнаментом по подолу, только у молодой талию перетягивал красный пояс, а у женщины постарше сарафан был прямой. Она носила нечто вроде кокошника, упрятав седые пряди, а её спутница головного убора не имела. У неё были льняного цвета волосы, но не заплетённые в косу, а собранные в пучок.

Максим вспомнил старуху, встретившуюся грибникам в первую вылазку «за границу мира», но эта была моложе и явно энергичней.

Обе несли какие-то рулоны золотистого цвета. О чём-то беседуя, они начали спускаться по ступенькам высокого крыльца, но остановились, заметив двух «спецназовцев».

Максим, обеспокоившись, что женщины испугаются и поднимут крик, щёлкнул застёжкой шлема, откидывая его на шею.

Сан Саныч сделал то же самое.

– Добрый день, – сказал Максим как можно сердечней, поклонился. – Не бойтесь, мы соседи. Пришли узнать про ваших родичей, Любаву и Маляту. С ними всё в порядке?

Женщины переглянулись.

Юная (в глазах удивление, но ни капли страха) что-то быстро проговорила.

– Оне за Грани, – практически по-русски ответила старшая. – Каделина говорила. Почино прорву мы не забили, това те и приище. Поити бёгом, обскаж Гонте.

Девушка сбежала по ступенькам на мощённую деревянными, хорошо пригнанными плахами улицу, показав узорчатые сапожки, с любопытством глянула на высоченного Александра и поскакала в дальний конец деревни.

Старшая степенно сошла с крыльца, остановилась, не выпуская из рук рулона ткани, перевела взгляд с лица Максима на кошачью переноску.

– Знову миелов? Ото хоч радимо житии за Грань?

– Что? – не понял Максим.

– Мяут выведе выто на рубеж перехода в Рось. – Седая кивнул на короб.

– А-а... да, это он нас привёл сюда. Вы знаете Любаву? Она была у нас недавно. За ней гнался какой-то монстр, слепленный из муравьёв. Потом появился и Малята, раненый.

Женщина нахмурилась.

– Диты воеводы. Малята уведе за соби медвора. Он вой княже, ныне отямився, обрета у здоро-права.

– Похоже, она говорит, что тот парень жив и лечится, – пробормотал Сан Саныч.

– Очень рад, что он выздоравливает, – сказал Максим. – Вас как звать?

Женщина поняла.

– Мати Зоана.

– А по батюшке?

Она собрала морщины на лбу.

– Батюшк?

– Как звали вашего отца?

Женщина улыбнулась.

– Отче Василе.

– Буду звать вас Зоана Васильевна. Меня зовут Максим.

– Помнимо.

– Его – Александр, Саша. А как дела у Любавы?

– Вона на охороне. Идо со мни. – Жительница Хлумани повела гостей к третьему дому, если считать с конца деревни.

Дом производил впечатление музея, хотя и мало чем отличался от соседних. Все они были построены в едином стиле и различались лишь высотой, количеством башен, формой шатров, орнаментом и резьбой наличников, окон и дверей.

Ещё больше резьбы гости узрели в самом доме, имевшем форму двух пятиугольных шатров, соединённых боками. Вся утварь, вещи и предметы быта были покрыты резьбой. Интерьер помещений не был уж особенно разнообразным и богатым. Здесь у стен стояли резные деревянные лавки, центр любой комнаты занимал опять-таки деревянный стол с резными ножками, по стенам кое-где были развешаны предметы повседневной необходимости, в углах стояли шкафчики изумительной работы, и пахло в доме вовсе не «по-деревенски», как подумал Максим, вспомнив запахи в хате Трофимыча. Весь дом был пронизан ароматами леса и трав, и лишь в отдельных углах к ним добавлялись запахи дерева и разогретого очага.

Сан Саныч первым заметил отсутствие в комнатах каких-либо изображений Христа, икон и фотографий. Вместо них висели домотканые рушники, плетеные пояски и ремни. А в самой большой комнате, которую здесь называли светёлкой, на стене в окружении двух поясов орнамента крепилась большая доска с изображением женщины в шлеме с шишаком и костюме, напоминающем рыцарские латы, на фоне солнечного диска. В одной руке она держала меч, другой прижимала к груди пылающий шар, также напоминающий солнце в протуберанцах.

– Кто это? – спросил Сан Саныч.

– Матерь Света, – ответили ему.

Лишь позже гости узнали, что Матерь Света считается основательницей древнерусской общины под названием Рось, после чего всех князей и выборниц стали называть Князьями (Княженицами) Света. Так пограничный район, главной заставой которого была Хлумань, возглавляла женщина – Свея мать Зоана. Свея с местного языка переводилось как Ткач или Швея, она же – защитница и хранительница очага. Саму общину называли ещё Узорочьем, что вполне отражалось во всём облике жителей Роси и её архитектуры. Об этом можно было судить не только по изумительно красивой фрактальной геометрии строений, но и по орнаментам, пронизывающим все сферы искусства Роси и украшающим все вещи повседневного обихода, одежду, утварь, стены домов и храмов Света, как здесь называли солнце. Максим, войдя в светёлку, застыл, буквально сражённый гармонией орнаментального рисунка, вспомнив, что писали деятели культуры современной России об этом феномене. Но одно дело – читать высказывания специалистов, и совсем другое – видеть это собственными глазами. Поэтому Максим и застрял, оценив откровения современников, утверждавших, что орнамент Древней Руси никогда не допускал «праздных линий», в нём любой штрих имел сакральное значение, а весь рисунок являлся отображением законов природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.